502

Russ. 342 e

<36611885320016

<36611885320016

Bayer. Staatsbibliothek

E, F

ОТВѢТЪ

Генералъ-Маїора

БОЛТИНА

НА ПИСЬМО

КНЯЗЯ ЩЕРБАТОВА,

Сочинителя Россїйской Исторїи.

Укоряющїе насъ болѣе намъ полезны, нежели ласкательствующїе.

Пиѳагоръ.

изданїе второе.

Во Градѣ Св. Петра,
печатано въ Императорской Типографїи,
иждивен. И. Глазунова, 1793 года.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Fg 192 | 50138

Не могъ я никакъ предвидѣть, писавъ примѣчанїи мои на Леклерка, что досажу тѣмъ кому либо изъ моихъ соотечественниковъ, и возбужу противъ себя его негодованїе; и долженъ ли я былъ ожидать непрїятныхъ себѣ послѣдствїй въ исполненїи намѣренїя столь честнаго, благороднаго и отъ всякїя корысти отчужденнаго? Уже увѣнчаны были труды мои всеобщимъ одобренїемъ отъ всѣхъ любящихъ Отечество и Истинну; уже вкушалъ я сладкїе плоды удовольствїя, которымъ безмездное сїе воздаянїе сердце мое наполняло, какъ увидѣлъ вышедшую въ свѣтъ книжку, подъ названїемъ: „Письмо Князя Щербатова, Сочинителя Рос„сїйской Исторїи, къ одному его Прїятелю, „въ оправданїе на нѣкоторые сокрытые и яв„ные охуленїя, учиненные его Исторїи отъ „Г. Генералъ-Маїора Болтина, Творца при„мѣчанїй на Исторїю древнїя и нынѣшнїя „Россїи Г. Леклерка.„ Любопытство мое было чрезвычайно узнать, какїе тѣ суть *сокрытые* и *явные охуленїя*, кои знаме-

нитый Сочинитель Россїйской Исторїи нашелъ противъ себя въ тѣхъ моихъ примѣчанїяхъ, тѣмъ болѣе, что мысль таковая въ голову мою никогда не приходила. Прочетши увидѣлъ, что негодованїе его противу меня въ *сокрытыхъ охуленїяхъ*, было по истиннѣ напрасное, что всякой усмотрѣть и безъ объясненїя моего можетъ; по чему и отвѣчать бы мнѣ на писанное имъ не было нужды. Но какъ угодно было ему и нѣкоторые другїе мѣста изъ моихъ примѣчанїй, которые никакъ къ его Исторїи не относятся, замѣтить погрѣшностями и заблужденїями, и подъ словомъ *оправданїя* явнымъ образомъ, негодованїе свое изъявляя, самаго меня невѣжею представить въ такихъ вещахъ, коихъ по истиннѣ стыдно бы мнѣ было не знать; и для того, чтобъ не вмѣнено было молчанїе мое за признанїе, принужденнымъ нашелся на письмо оное отвѣтствовать.

§ I.

Начинаетъ онъ письмо свое непомѣрною похвалою моего сочиненїя и моея учености, чего я на свой счетъ и тогда бы не принялъ, когдабъ то и не иронически было

сказано. Касательно до того, что яко бы я многіе приводилъ мѣста изъ разныхъ Писателей, кои, по мнѣнію его, съ предлежностію не сходствуютъ, и выписывалъ доводы изъ такихъ книгъ, которыя свѣтомъ забвенію уже преданы; отвѣтствовать я не могу за тѣмъ, что Сочинитель письма не благоволилъ указать именно тѣхъ мѣстъ, кои онъ за несходствующіе съ предлежностію признаетъ, также и тѣхъ книгъ, кои онъ забвенными въ свѣтѣ почитаетъ. Однакожъ дозволительно мнѣ подумать, что, можетъ быть, ему и тѣ самые обстоятельства, изъ приводимыхъ мною, показались несходными съ предлежностію, которые въ самой вещи суть сходны и приличны; также и нѣкоторыя изъ книгъ, на кои я ссылался, можетъ быть показалися ему забвенными въ свѣтѣ такія, которыя у всѣхъ еще въ памяти. Однакожъ не утверждаю, чтобъ не могла быть въ томъ и моя ошибка, или по недостатку разборчивости въ вещахъ, или по невнимательному соображенію обстоятельствъ. Вкусъ въ людяхъ столь же различенъ какъ и лица; одному то нравится, что другому противно, а по

тому и о мнѣнїи другихъ, тѣмъ паче цѣлаго свѣта, заключать по собственному мыслей расположенїю есть безмѣстно.

§ II.

Послѣ сказанной похвалы моей учености, которою я никогда не тщеславился и не превозносился, приступаетъ Сочинитель письма къ объясненїю предложенныхъ ему отъ Прїятеля его вопросовъ, изъ коихъ перьвой состоитъ въ томъ: „Для чего онъ толь темно „и необстоятельно о древнемъ произхожде„нїи Россїйскаго народа писалъ?„ второй: „Чего ради въ Исторїи своей ничего не упо„мянулъ о лѣтописи Іоакима Епископа Нов„городскаго?„ ... Не имѣлъ ли бы я нужды на тѣ объясненїя его возражать, ежели бы нѣкоторые мѣста изъ нихъ до меня не относилися, и для того, оставляя все прочее, о нихъ только и буду говорить.

Темно и необстоятельно писалъ, говоритъ онъ, для того что многихъ *нынѣ существующихъ помощей не имѣлъ*, а именно: „Россїйской Исторїи Г. Татищева, выписокъ „изъ Константина Порфирогенита, Ѳеофила „Сагерта Беера, и сочиненїя о разныхъ

„древнихъ народахъ обитающихъ въ Россіи,
„Г. Миллера; а ради сравненія въ языкахъ,
„перьвой части Словаря двухъ сотъ языковъ;„
давая сими словами разумѣть, что я, при
помощи оныхъ книгъ, болѣе имѣлъ удобности
учинить розъисканіе о сказанной предлеж-
ности. „Однакожъ, говоритъ, со всѣми сими
„помощами и знаніемъ многихъ языковъ, я
„пошлюсь на самаго Г. Болтина, хотя его
„сочиненіе о древнемъ произхожденіи на-
„родовъ и кажется мнѣ хорошо, но со всемъ
„тѣмъ довольно ли достаточно оно для изъ-
„исканія всѣхъ трудностей?...„ На слова
сіи отвѣчаю: изъ сказанныхъ книгъ нѣко-
торыя подлинно мнѣ пособіе во многомъ дѣ-
лали, однакожъ и безъ помощи ихъ, могъ
бы я, все находящееся въ нихъ, почерпать
изъ самыхъ тѣхъ источниковъ, изъ коихъ
Сочинители оныхъ брали; съ различіемъ
тѣмъ токмо, что излишній бы трудъ упо-
требить былъ долженъ. Сочиненія Г. Мил-
лера о народахъ обитающихъ въ Россіи я
по сіе время не читалъ. Изъ словаря дву-
сотъ-язычнаго нѣсколько словъ я заимство-
валъ, и онъ подлинно для сравненія языковъ
довольною помощію быть можетъ, однакожъ

не такою, каковою воображаетъ въ немъ найти Сочинитель письма. Но колико онъ обманывается заключая, что сїи токмо книги имѣлъ я пособїемъ себѣ въ написанїи касающагося до оныя предлежности! Однакожъ, какъ бы то ни было, не выдаю я написаннаго мною о семъ за совершенное и изящное, но токмо за вѣроятное и сходное. Нашелся бы я, можетъ быть, въ состоянїи что ниесть достаточнѣе и удовлетворительнѣе о сей предлежности сказать, но, писавъ примѣчанїи мои на Леклерка, ни приличность, ни цѣль намѣренїя моего того мнѣ не дозволяли. Я говорилъ о томъ только отрывками, и не болѣе сколько того требовало мѣсто, на которое я возражалъ. Не имѣлъ я предметомъ моимъ дѣлать розъисканїя о произхожденїи древнихъ народовъ, а токмо открыть Леклерковы заблужденїя и невмѣстность его мнѣнїй и предложенїй; и успѣхъ въ семъ моемъ намѣренїи одобренїемъ Публики засвидѣтельствованъ.

Между тѣмъ какъ я на сїе мѣсто Сочинителя письма отвѣтствую, пришла мнѣ мысль въ голову, и довольно кажется вѣроятная, не сїе ли самое изпроверженїе мое Леклерковыхъ заблужденїй, касательно сказанныя

предлежности, разумѣетъ онъ *сокрытымъ охуленїемъ своей Исторїи*; ибо и онъ тожъ самое о родопроизводствѣ Руссовъ, Славянъ и Сарматъ написалъ, что и Леклеркъ? Но ежель я и ошибаюсь въ моемъ заключенїи, то по крайней мѣрѣ не безъ основанїя. Вотъ тѣ мѣста въ его Исторїи, кои Леклерка заблуждать заставили: что Руской народъ до крещенїя былъ кочевной, Т. I. въ Предисловїи стр. 2. и во Введенїи стр. 6; что языкъ Славянскїй сходенъ былъ съ Рускимъ, стр. 5, 98, 99; что Сарматы, Скифы и Славяне были соплеменны, о томъ въ Предисловїи и во Введенїи на многихъ мѣстахъ утверждается; что Рурикъ съ братьями были Нѣмцы, стр. 105, что Кїй, Щекъ и Хоревъ были Персїяне или Арапы, стр. 116; что Гунны жили на берегахъ Днепра и построили Кїевъ и еще два города Щековицу и Хоревицу, коихъ никогда не бывало, стр. 120; что Гунны и Авары говорили языкомъ Тарскимъ, стр. 121; что Рурикъ пришелъ изъ Лифляндїи, стр. 185, и пр. Леклеркъ также народъ Руской дѣлаетъ кочевнымъ; Сарматъ, Славянъ и Скифовъ полагаетъ быти однородцами; Рурика выводитъ изъ Ингрїи;

Гунновъ поселяетъ на брегахъ Днепра и пр.; разнспвуетъ только въ томъ, что Кія не дѣлаетъ Персіяниномъ, сочтя то можетъ быть сумнительнымъ..... Ежели я опровергалъ Леклерка во всемъ вышепрописаномъ не правильно, охуленіе относится ко мнѣ; а естьли правильно и основательно, того не должно брать на счетъ тѣмъ, кои его заблуждать заставили, ибо отъ него зависило вѣрить или не вѣрить, послѣдовать или отвергать ими написанному. Я изпровергая его ни кого не подразумѣвалъ, ниже самаго его лично имѣлъ моею цѣлію; но токмо его клеветы и злословіи.

Сочинитель письма извиняется предъ своимъ Пріятелемъ въ темномъ и необстоятельномъ написаніи о произхожденіи Рускаго народа „незнаніемъ ученыхъ языковъ, „несвѣденіемъ словъ разныхъ населяющихъ „Россію народовъ и другихъ, и неимѣніемъ „тогда довольной помощи.„.... Положимъ что Пріятель его сочтетъ такое извиненіе достаточнымъ, относительно къ розъисканію о произхожденіи Рускаго народа, однакожъ и при семъ случаѣ, по долгу дружества, долженъ будетъ ему сказать: „Но

„ктожъ принуждалъ васъ браться за дѣло „выше своихъ силъ и возможности? Не „лучше ли бы, по неимѣнїю сказанныхъ по- „мощей, оставить вещи такъ какъ онѣ были, „нежели, писавъ изъ головы и безъ всякаго „основанїя, въ вящшую приводить ихъ тем- „ноту, запутанность и безобразїе.....„ Какоежъ можетъ Сочинитель письма дать Пріятелю своему объясненїе, ежели ему вздумается его вопросить: „На чемъ осно- „вываяся написали вы, что Сарматы, Гунны „и Скифы суть соплеменны? Гдѣ написано, „что народъ Руской до крещенїя былъ ко- „чевной? Какое есть на то доказательство, „что языкъ Славянскїй сходенъ былъ съ „Рускимъ? Какая приличность была вамъ „назвать Рурика съ братьями Нѣмцами, а „Кїя, Щека и Хорева Персїянами? Съ какой „стати Гунновъ сдѣлали вы построителями „Кїева, и заставили ихъ и Аваровъ гово- „рить языкомъ Татарскимъ и проч. и проч.?„ Я думаю, что на таковые вопросы весьма трудно будетъ ему отвѣчать что ниесть дѣльное.

§ III.

На второй вопросъ отвѣтствуетъ Сочинитель письма, что онъ для того Іоакимовой лѣтописи не слѣдовалъ въ своей Исторіи, что не признаетъ ея справедливою; по тому, 1) что списокъ съ нея найденъ у частнаго человѣка, а не въ Государственномъ или монастырскомъ хранилищѣ; 2) что во многомъ противорѣчитъ Нестору; 3) что наружною видимостію своею древности не показуетъ; и 4) что Несторъ, Кипріанъ и Макарій ничего о ней не упоминали.... О дѣльности оныхъ показаній въ разсмотрѣніе входить потребности я не нахожу; однакожъ чтобъ и не оставить оную лѣтопись беззащитною, естьли не изъ любви къ истиннѣ, то хотя изъ благодарности за то, что она на многіе мѣста Нестора доставила намъ толкъ и ясность, не излишнимъ считаю сказать нѣчто и въ ея одобреніе. Безмѣстно утверждать, чтобъ открытый намъ покойнымъ Васильемъ Никитичемъ Татищевымъ отрывокъ съ лѣтописи былъ достовѣрный подлинникъ Іоакимовъ, и безъ всякія отмѣны и поврежденія, но не меньше будетъ дерзновенно не признать

его за списокъ съ онаго, хотя можетъ быть и во многомъ переправленный какъ и всѣ списки вообще съ Нестора, ибо оный отрывокъ тѣжъ самые имѣетъ на себѣ знаки принадлежательности Іоакиму, по каковымъ и лѣтопись Несторова признается за Несторову.

Что прежде Нестора были у насъ Лѣтописцы, хотя имена ихъ намъ и неизвѣстны, о томъ никакъ сумнѣваться не льзя, ибо изъ премногихъ списковъ съ лѣтописей, находящихся въ Государственныхъ книгохранилищахъ и людей частныхъ, не найдется двухъ во всемъ между собою согласныхъ; я имѣлъ у себя въ рукахъ семь, и всѣ весьма стариннаго письма, въ томъ числѣ два съ юсами и на пергаминѣ писанныхъ, но всѣ между собою разнствовали; одинъ другаго или полнѣе или сокращеннѣе, въ одномъ того бытія или обстоятельства, а въ другомъ другова недоставало, а иные написаны совсемъ иначе: который назвать изъ нихъ правильнымъ и Нестору принадлежащимъ, рѣшить едва ли возможно. Сколько есть повѣствованій въ Прологахъ, въ лѣтописи Никоновской, въ Польскихъ и другихъ иностранныхъ Писателяхъ, коихъ ни въ од-

номъ спискѣ Несторовомъ нѣтъ; какъ же намъ изъ сея трудности выпутаться, ежели кромѣ Нестора ни кому другому не вѣрить? Отрѣша лѣтопись Іоакимову, яко недостойную вѣроятія по тому единому, что она не согласуетъ иногда съ Несторовою, надобно будетъ отрѣшить также Прологи и всѣ Повѣствованія иностранныхъ и своихъ, понеже и они также во многомъ ей противорѣчатъ; но кажется толикая жертва для Нестора будетъ велика.

Не отрицаю я того, чтобъ не было въ Іоакимовой лѣтописи, относительно до временъ прежде Рурика протекшихъ, повѣствованій баснословныхъ, какъ и во всѣхъ вообще Исторіяхъ первобытныхъ вѣковъ, кои справедливо Плутархъ называетъ государствомъ мечтаній и чудовищъ. Но сіе басненное и чудовищное не помѣшаетъ Историку разсудительному и свѣдущему пользоваться тѣмъ, что находится въ ней истинное или вѣроятное, по сношенію съ другими тѣхъ временъ Историками и Лѣтописателями, своими и чужестранными. Единаго воззрѣнія на сію лѣтопись довольно, чтобъ увидѣть въ ней многія черты достойныя

любопытства и уваженія. О пришествіи Славянъ, на примѣръ, въ Новгородскіе предѣлы, повѣствованіе Іоакимово является болѣе вѣроятнымъ нежель Несторово; первый полагаетъ оноевъ половинѣ пятаго столѣтія, а послѣдній прежде Рождества Христова, что не можетъ быть согласно съ извѣстными намъ бытіями и преселеніями племенъ Славянскихъ. Призваніе Славянами Новгородскими Рурика съ братьями на княженіе, по причинѣ ихъ родства съ Гостомысломъ, видится болѣе съ обстоятельствами сходнымъ по Іоакиму нежели по Нестору; по перьвому и родъ Руриковъ и поводъ къ избранію его извѣстны, а по послѣднему и то и другое остается въ темнотѣ. Положимъ что объ Осколдѣ, котораго одного быти посланнымъ отъ Рурика въ Кіевъ Іоакимъ сказуетъ, можно въ повѣствованіи его усумниться, по тому только, что Несторъ оному противорѣчитъ, полагая быти съ Осколдомъ и Дира: но что Боривой былъ отецъ Гостомыслу, также о сыновьяхъ, дочеряхъ и о супругѣ его Ефандѣ, не усматривается никакого сумнѣнія, понеже во всемъ томъ Іоакиму ни кто и ни что не противорѣчитъ. Въ Несторовой лѣтописи на-

писанъ Олегъ родственникомъ Рурику, а въ Іоакимовой шуриномъ; слѣдственно сія не только не прекословитъ первой, но и находящійся въ ней недостатокъ пополняетъ. О женидьбѣ Игоря болѣе видится вѣроятія и ясности въ Іоакимѣ, нежели въ Несторѣ; сей глухо написалъ: „И приведоша ему жену отъ „Пскова, (котораго тогда еще и не было) „именемъ Ольгу;„ а тотъ обстоятельнѣе и яснѣе: „Поятъ ему жену отъ Изборска „рода Гостомыслова, яже Прекраса нарица„шеся;„ что и повѣствованіемъ Пролога подтверждается. Бракъ Владимировъ съ Рогнѣдою и рожденіе Ярославово, по Іоакиму яснѣе и съ лѣтами Владимировыми согласнѣе, какъ примѣчаетъ Татищевъ, Т. II. стран. 395. И такъ ежели доводы сіи и недостаточны ко утвержденію правильности лѣтописи Іоакимовой, то по меньшей мѣрѣ не уступаютъ тѣмъ, кои Сочинитель письма приводилъ къ ея опроверженію.

Онъ полагаетъ, что Творецъ сея лѣтописи заимствовалъ писанное имъ изъ Прологовъ и Польскихъ Писателей, а не сіи изъ него брали; но гдѣжъ въ Прологахъ и Польскихъ Писателяхъ упоминается о Князьяхъ

прежде Рурика княжившихъ? кажется что сїе сказано имъ не подумавши..... Касательно дѣянїй описанныхъ Іоакимомъ, находитъ онъ паче прочїихъ сумнительными, первое объ Осколдѣ, котораго Іоакимъ одного быти посланнаго въ Кїевъ отъ Рурика полагаетъ, какъ показалъ я выше, доказывая неправильность сказанїя его доводами основательными. Второе бытїе, а именно, что Ольга называлася прежде Прекрасою, не только признаетъ басненнымъ, не взирая на согласное повѣствованїе Пролога о семъ, но еще и съ насмѣянїемъ восклицаетъ: „вотъ изрядное сплетенїе! и проч.; и за„ключаетъ тѣмъ, что такого обычая, чтобъ „перемѣнять имена, нигдѣ не видано.„ стр. 18. Однакожъ, съ позволенїя его, припомню я ему собственное его сказанїе, тома I. на стран. 257, что Рогнѣда, дочь Рогволдова, вышедши за мужъ за Владимира, переименована была Гориславою; еще, Марїя сестра В. Князя Ярослава, выданная за мужъ за Казимира Короля Польскаго, переименована Доброгнѣвою: сказываетъ о семъ Татищевъ, Т. II. стр. 426. Довольно двухъ сихъ примѣровъ, чтобъ оправдить Іоакима, и ули-

чить Сочинителя письма, что онъ написалъ *нигдѣ не видано*, несправедливо.

§ IV.

Слѣдуютъ теперь прямыя жалобы отъ Сочинителя письма на меня, для чего я осмѣлился охулять Леклерка въ тѣхъ обстоятельствахъ, кои онъ сходственно съ нимъ писалъ..... Въ примѣчанїяхъ моихъ на Леклерка, Томъ I. § XXIV. сказалъ я: „Леклеркъ, слѣдуя Левеку, полагаетъ при„чиною военныхъ дѣйствїй Владимировыхъ „противу Корсуня, не иное что какъ же„ланїе доставить себѣ оружїемъ священни„ковъ и крещенїе. По смыслужъ рѣчей по„вѣствованїя Несторова ближе заключить, „что Владимиръ предпрїялъ осадить Кор„сунь въ намѣренїи учинить Императора „Греческаго склоннѣйшимъ на желанїе свое, „касательно полученїя сестры его въ за„мужство за себя.„... Не понравилося то Сочинителю письма, что я не согласно съ Левекомъ, съ Леклеркомъ и съ нимъ, а согласно съ Татищевымъ о семъ заключаю. Онъ подалъ мнѣ поводъ къ сему заключенїю, сказавъ: „Владимиръ положилъ намѣ-

„ренїе идти на Корсунь, и тамо просить „у Царя въ жену себѣ сестру его;„ а слова влагаемые Несторомъ во уста Владимировы, по взятїи Корсуня, и болѣе въ томъ меня удостовѣрили, какъ я обстоятельно изъяснилъ въ показанномъ мѣстѣ примѣчанїй моихъ на Леклерка, на которое и ссылаюся. Здѣсь только остается мнѣ на слова Сочинителя письма отвѣчать: „Не состоитъ „должность Историка, говоритъ онъ, повѣ„ствованїе Писателей перемѣнять. Пре„подобный Несторъ о желанїи Владимиро„вомъ, получить себѣ въ супругу сестру „Греческихъ Императоровъ чрезъ войну, не „говоритъ.„ стр. 30. Правда что Несторъ, отправляя Владимира въ походъ къ Корсуни, не сказалъ того, что идетъ онъ туда для испрошенїя у Царей Греческихъ сестры ихъ въ жену себѣ; но равнымъ образомъ не сказалъ же и того, что предпрїялъ онъ сей походъ для достављенїя себѣ оружїемъ священниковъ и крещенїя. То и другое есть догадка, но догадка Татищева основывается на смыслѣ рѣчей предъидущихъ и послѣдующихъ повѣствованїя Несторова, подтверждается обстоятельствами тогдашнихъ вре-

менѣ и здравымъ разсудкомъ, а догадка тѣхъ, коимъ Князь Щербатовъ, Левекъ и Леклеркъ послѣдовали, всему тому противорѣчитъ.

Перемѣны въ повѣствованіяхъ Писателей Татищевъ тѣмъ не сдѣлалъ, что предложилъ свою догадку основанную на обстоятельствахъ вѣроятныхъ, что не только Историку дозволительно, но и должно. Не присвоилъ онъ гордости и любочестію Владимировымъ содѣятельностей невмѣстныхъ; не представилъ его столь легкомысленнымъ и столь мало пекущимся о благосостояніи своихъ подданныхъ и о своей славѣ, чтобъ сталъ тратить онъ великое иждивеніе, предпринимать многіе труды, и подвергать себя и ихъ опасности по пустому, сирѣчь для таковой вещи, которую и безъ труда и безъ убытка могъ получить во всякое время.

Сочинитель письма думаетъ, что Владиміръ и свѣденія вовсе не имѣлъ, что была у Греческихъ Царей сестра въ дѣвицахъ, а какъ только услышалъ о томъ, и не прежде какъ по взятіи уже Корсуня, то и сталъ ее требовать въ жену себѣ. Воображеніе такое мнѣ кажется не менѣе

страннымъ какъ и вѣроятїе оному. Мудрено вообразить, чтобъ Владимиръ, въ разсужденїи близости и тѣснаго сообщенїя тогдашняго Грековъ съ Рускими, не зналъ что у Царей Греческихъ есть сестра въ дѣвицахъ; а еще мудренѣе повѣрить, чтобъ Владимиръ, будучи гордъ и любочестенъ, а не менѣе и въ плотоугодїи любострастенъ, похотѣлъ жениться на уродѣ, ибо благообразїе тѣла и души не зависятъ отъ знаменитости породы. Тѣмъ паче нужно было Владимиру о изяществѣ красоты Царевны быть предварительно удостовѣрену, что по крещенїи, къ которому онъ готовился, одну уже жену имѣть будетъ долженъ, а не многихъ, коими прежде язычество его удовлетворяло.

„Владимиръ былъ гордъ и любочестенъ„ говоритъ Сочинитель письма, а по тому-то онъ и не хотѣлъ предлагать Греческимъ Царямъ такого требованїя о согласїи, на которое не былъ предъувѣренъ, чтобъ отказомъ ихъ не оскорбить своего любочестїя. Касательно священниковъ, не могъ никакъ онъ сумнѣваться, чтобъ въ присылкѣ ихъ было ему отъ Царей отказано; единаго позволенїя довольно было, чтобъ имѣть ихъ

больше нежели потребно, судя по усердію Восточной Церкви къ распространенію Христіанскаго повсюду благочестія; но чтобъ Греческіе Цари, безъ принужденія, выдали за него сестру свою, въ томъ онъ могъ сумнѣваться, и причины къ сумнѣнію имѣлъ многія.... Здравый разсудокъ, котораго отъ Владимира отнять не можно, внушаетъ, что никогда не тратятся на то силы и иждивенія, что можно получить даромъ. Едва бы Греки только увѣдали, что Россійскій великій Князь желаніе имѣетъ себя и всѣхъ подданныхъ своихъ учинить Христіанами, то бы безъ прозьбы и требованія поспѣшили прислать къ нему учителей и наставниковъ, и по ревности ко благочестію, и по зависти и рвенію къ Западной Церкви, которая тогда была уже въ отдѣленіи отъ Восточныя, дабы оная не успѣла между тѣмъ воспользоваться приобрѣтеніемъ толь важнымъ.

Все сказанное мною здѣсь снеся съ тѣмъ, что я написалъ о сей предлежности въ примѣчаніяхъ моихъ на Леклерка, увидитъ Читатель, что я не на пустотѣ основываясь признялъ Татищево мнѣніе дѣльнымъ.

§ V.

Касательно раненія Владимира отъ Печенѣгъ при Василевѣ, какъ Леклеркъ пишетъ, отвергалъ я сіе бытіе утверждаясь на тѣхъ лѣтописяхъ, кои мнѣ были извѣстны, а именно: на Несторовой и Никоновской, на Степенныхъ книгахъ и на нѣкоторыхъ рукописныхъ имѣющихся у меня, въ коихъ сего обстоятельства нѣтъ; да и сказалъ я о томъ мимоходомъ, и по сопряженіи сего обстоятельства съ другими, на которые возразить главная моя была цѣль, а именно: о мѣстѣ, гдѣ было сраженіе и о построеніи церкви Владимиромъ за спасеніе свое отъ Печенѣгъ. Сочинитель письма признавая мое возраженіе въ послѣднихъ двухъ обстоятельствахъ дѣльнымъ, въ перьвомъ только противорѣчитъ, утверждая, что въ нѣкоторыхъ спискахъ съ лѣтописей точно упоминается, что Владиміръ былъ раненъ; а можетъ быть Левекъ, которому послѣдовалъ Леклеркъ, также скажетъ, что у него есть списокъ съ лѣтописи, въ которой точно написано, что Владиміръ построилъ церковь во имя Св. Григорія, и что сраженіе было на другомъ мѣстѣ, а не при Василевѣ, въ про-

тивность Нестора и всѣхъ извѣстныхъ Лѣтописцевъ. Но кажется мнѣ должно было Князю Щербатову и Левеку, внося въ Исторію такое бытіе, котораго ни въ одной изъ извѣстныхъ лѣтописей не обрѣтается, сказать откуда оное почерпнуто, и для чего одной неизвѣстной лѣтописи показаніе предпочтено многимъ извѣстнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ.

Сочинитель письма одинакіе обстоятельства обращаетъ къ противнымъ доводамъ, смотря по своей пользѣ; прежде говорилъ, отвергая правильность Іоакимовой лѣтописи, что не должно утверждаться на лѣтописяхъ имѣющихся въ рукахъ людей частныхъ, тѣмъ паче незнатныхъ, каковъ былъ Монахъ Веніаминъ, отъ котораго Татищевъ списокъ съ оныя лѣтописи получилъ, а токмо тѣ почитать достовѣрными, которыя находятся въ Государственныхъ и Монастырскихъ хранилищахъ; а теперь напротивъ говоритъ, что списокъ Кенигсбергской съ Нестора „нѣсть такой древности, что „бы всѣ прочіе должны были ему уступить, яко первенствующему, но есть у „насъ множество другихъ... и у нѣкото„рыхъ приватныхъ людей, которые гораздо

„старѣе являются„ стр. 39; и въ доказательство о раненїи Владимира приводитъ списокъ съ лѣтописи полученной имъ отъ Г. Полетики, въ которомъ точно написано: „и „подбѣгъ уязвленъ бѣ ста подъ мостъ.„

§ VI.

Въ Несторѣ, стр. 93. написано: „Хо„тящу Владимиру идти на Ярослава.... „Но Богъ не дастъ дїаволу радости, Влади„миру разболѣвшусь. Все же время бяше у „него Борисъ, и Печенѣгомъ идущимъ на „Русь, посла противу имъ Бориса, самъ бо„ляше вельми, въ ней же болести и скон„часа мѣсяца Іюля въ пятыйнадесять день; „умрежъ на Берестовомъ.„ И хотя въ сихъ словахъ нѣтъ другаго значенїя и смысла кромѣ того, что Владимиръ предпрїявъ идти на Ярослава, воспрепятствованъ былъ во исполненїи намѣренїя своего приключившеюся ему болѣзнїю, отъ которыя онъ и умеръ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ занемогъ, и не сдѣлавъ ни одного шага въ передъ; но К. Щербатовъ, вообразивъ, что Берестовъ находится въ нѣкоторомъ отдаленїи отъ Кїева, въ Исторїи своей, Т. I. стр. 287.

написалъ: „Владимиръ уже съ войскомъ опол-
„чается, и сынъ его Борисъ уже полки къ
„нему привелъ, уже доходитъ до Берестова„
и проч. Левекъ заимствуя изъ его Исторіи,
а Леклеркъ послѣдуя Левеку, оба также
въ своихъ Исторіяхъ написали, что Влади-
миръ выступя уже въ походъ, на дорогѣ
умеръ. Я, дѣлая примѣчанїи на послѣдняго,
написалъ въ согласїе Нестору и Татищеву,
что „Владимиръ не выходя еще съ войскомъ
„противъ ослушнаго сына, занемогъ и умре;„
Т. I стр. 96. Князь Щербатовъ, желая за-
щитить Левека, Леклерка и вкупѣ самаго
себя, въ противномъ повѣствованїи всѣмъ
нашимъ лѣтописямъ, утверждаетъ прежнее
свое сказанїе, говоря: „Извѣстно всѣмъ, что
„В. К. Владиміръ имѣлъ обыкновенное жи-
„тельство свое въ Кїевѣ; война началась,
„онъ уже находится въ Берестовѣ, гдѣ и
„скончался; слѣдственно онъ уже выступилъ
„изъ Кїева;„ стр. 45. Потомъ, желая на-
значить, въ которую именно сторону по-
шелъ Владиміръ, и далеко-ль успѣлъ отойти
отъ Кїева, прежде нежели занемогъ и умеръ,
въ недоумѣнїи говоритъ: „Я не знаю точно
„мѣстоположенїя Берестова; но естьли онъ

„былъ и на Берестовѣ рѣкѣ, гдѣ нынѣ Кон-
„стантиноградъ построенъ„ и проч ; яко бы дозволительно было Историку не знать мѣстоположенїя городовъ, рѣкъ и знатныхъ урочищъ того государства, котораго онъ Исторїю пишетъ; тѣмъ паче такихъ селенїй и урочищъ, коихъ мѣстоположенїя ясно и вразумительно лѣтописи наши приурочиваютъ: для сего не требуется ни знанїя, ни науки, а токмо прилѣжность и вниманїе.

Не впалъ бы онъ въ такую погрѣшность, при написанїи сего мѣста въ Исторїи своей, естьли бы съ прилѣжностїю лѣтописи наши разсматривалъ; не сталъ бы и теперь защищать небылицы, естьли бы принялъ трудъ заглянуть въ Нестора; онъ бы его совершенно увѣрилъ, что Берестово было урочище въ предмѣстїи Кїева находящееся, на которомъ нынѣ Кїевопечерская крѣпость стоитъ, и что на самомъ семъ мѣстѣ былъ Великихъ Князей дворецъ, въ которомъ они большую часть года пребыванїе свое имѣли. Несторъ на многихъ мѣстахъ о семъ урочищѣ упоминаетъ, и весьма ясно близость его къ городу означаетъ, а особливо на стр. 108. При имѣющейся тутъ церкви

многïе Великïе Князья погребены, яко Георгïй Владимировичь въ 1156, Глѣбъ Юрьевичь въ 1171 годахъ, и другïе; а что Владимиръ подлинно во дворцѣ ономъ умеръ, то послѣдующïя рѣчи повѣствованïя Несторова о смерти его свидѣтельствуютъ. стр. 93. Прочетши одно сïе мѣсто, не принужденъ бы былъ Сочинитель письма признаваться въ невѣденïи толь необходимыхъ вещей для Историка, и не сказалъ бы: „Я не знаю „мѣстоположенïя Берестова;„ не предложилъ бы толь страннаго довода во оправданïе своей ошибки: „Владимиръ находится въ Берестовѣ, слѣдственно онъ уже выступилъ „изъ Кïева.„ ... Не странно ли бы всякому показалося, естьлибъ кто, писавъ Рускую Исторïю настоящаго вѣка, сказалъ, что блаженныя памяти Императрица Елисавета, объявивъ войну Прускому Королю, изволила переѣхать изъ Зимняго дворца въ Лѣтнïй, и по тому бы заключилъ, что Она своею особою въ походъ отправилася: показанное предложенïе Сочинителя письма не меньше сего странно, ибо дворецъ Владимировъ на Берестовѣ отъ другаго находившагося въ городѣ былъ не далѣе.

Рѣкажъ Берестовая, на которой нынѣ Константиноградъ построенъ, отстоитъ весьма далеко отъ Кїева, и совсемъ въ противную сторону той, куда надлежало Владимиру идти противу ослушнаго своего сына; она впадаетъ въ Орель, а сїя въ Днепръ, и не только въ тогдашнее время, но и многїе вѣки послѣ того состояла внѣ границъ Россїйскихъ. Такїя-то прибавки дѣлать въ Исторїи непозволительно, которыя прямо противорѣчатъ бытїямъ описаннымъ въ лѣтописяхъ, а не заключенїя дѣлать въ сходство обстоятельствъ современныхъ описуемому дѣянїю. Слова ясные Нестора не подавали причины дополнять изъ головы, тѣмъ паче имъ противорѣчить.

§ VII.

Нестаточность написанная Леклеркомъ, якобы побранные изъ Торческа Половцами плѣнники всѣ почти лѣтомъ, отъ жестокой стужи померли, въ примѣчанїяхъ моихъ на него, Т. I. § XCII, доказана мною толь ясно, что казалося ни кому не придетъ въ голову сказать что-либо вопреки тому; однакожъ Сочинитель письма, мня быти возможнымъ

оправдити его и вкупѣ себя, ибо и онъ въ Исторіи своей, Т. I. стран. 42, то же написалъ, тако говоритъ: „Не помню я, „что я тогда думалъ какъ писалъ сіе мѣ- „сто Исторіи? . . . но уповаю, что наслы- „шась отъ всѣхъ бывалыхъ тамъ, что хотя „въ сихъ мѣстахъ климатъ и гораздо жар- „кой во время дня, но напротивъ того ночи „бываютъ толь холодныя, что безъ шубы „обойтись не можно, отъ чего весьма много „людей получаютъ болѣзни и претерпѣваютъ „смерть. Подобные обстоятельства клима- „та Италіи учинили Италію именовать „le tombeau de François, могила Французовъ.

Доводы мои ко изпроверженію сихъ оправданій, вотъ какіе: 1) Выше есть всякаго вѣроятія, чтобъ въ странѣ подъ толь умѣ- реннымъ климатомъ лежащей, въ Августѣ мѣсяцѣ помирали люди отъ стужи. 2) Тамъ, гдѣ былъ Торческъ, ночей холодныхъ не бы- ваетъ, о чемъ я утвердительно сказать могу, живъ въ той сторонѣ около десяти лѣтъ: бываютъ таковыя ночи въ странѣ къ устью Днепра лежащей, гдѣ нынѣ Хер- сонъ, однакожъ и тамъ не до толикія сте- пени холодность ихъ простирается, чтобъ

могла приключить человѣку смерть. Не употребившїй осторожности, при непосредственномъ наступленїи послѣ дневнаго зноя сильнаго холода, можетъ легко простудиться и получить болѣзнь; однакожъ тамошнїе жители меньше сей опасности подвержены нежель пришѣзжїе, а жители Торческїе были изъ числа первыхъ. 3) Вредность Итальянскаго климата для Французовъ, не идетъ въ сравненїе къ настоящей предлежности, понеже не о суровости, ни о перемѣнѣ климата идетъ здѣсь рѣчь, а о томъ, что лѣтомъ люди отъ стужи не умираютъ.

§ VIII.

Увозъ Великаго Князя Ярополка Влостовичемъ, признавалъ я затѣяннымъ отъ Поляковъ, въ разсужденїи тѣхъ обстоятельствъ, кои я объяснилъ въ примѣчанїяхъ моихъ на Леклерка, T. I. § XCVII. Сочинитель письма на сїе въ оправданїе свое пишетъ, стр. 52, что вмѣстилъ онъ сїе бытїе изъ Исторїи писанной Салиньякомъ, а лѣтописей Рускихъ краткость заставила его подумать, не хотѣли-ль они умолчать о такомъ приключенїи, которое наноситъ безчестїе Россїй-

скому Князю. Положимъ что сумнѣнїе о вѣрности Россїйскихъ Лѣтописцевъ есть позволительное, но по крайней мѣрѣ „долженость Историка требовала, какъ и самъ „онъ говоритъ, что бы не единымъ повѣствованїямъ писателей вѣрить, но прилѣжно разсматривать обстоятельства и возможность дѣянїй, и чинить разборъ между „разныхъ повѣствованїй.„ Но самъ онъ, ни того ни другаго не учиня, написалъ то, чего въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ, и что ни малаго вѣроятїя недостойно. Однакожъ со всемъ тѣмъ признаетъ бытїе сїе возможнымъ; „не нахожу, говоритъ, я ничего „невѣроятнаго въ увозѣ Ярополка.„ Какїежъ на вѣроятность сїю доводы представляетъ? Что „Влостовичь былъ Польской Вельможа, „а по тому весьма знатный и богатый; выѣхалъ онъ служить въ Россїю съ не малымъ „числомъ служителей; приобрѣлъ милость „и довѣренность отъ Ярополка. ... Древнїе „наши Государи большей пышности не имѣли: не обрѣтаемъ мы у нихъ ни стражи, „ни придворныхъ, ни что бы великое число „людей и тѣлохранителей ихъ окружали, а „по тому и возможно, что бы онъ съ малымъ

„числомъ людей поѣхалъ, имѣя при себѣ Вло-
„стовича съ превышающимъ числомъ людей...
„а по тому и легко ему было, учиня нечаян-
„ное нападенїе на Ярополка, бывшихъ при
„немъ иныхъ избить, другихъ перевязать,
„и самаго Ярополка схватя и привязавъ на
„лошадь увезти.„ Встрѣчаяжъ болѣе за-
трудненїя въ провозѣ сего Великаго Князя
до границъ Польскихъ, чрезъ разстоянїе по
прямой чертѣ болѣе трехъ сотъ верстъ,
все усильствїе употребляетъ, и ничего не
щадитъ, чтобъ способы къ тому придумать.
„Обычай, говоритъ, Россїйскихъ Государей
былъ всегда давать въ кормъ земли вы-
ѣзжающимъ къ нимъ чужестраннымъ; то
не могъ ли онъ, имѣя уже злое намѣренїе,
на пути къ Польшѣ испросить себѣ такїя
въ трехъ или четырехъ мѣстахъ земли,
гдѣ безъ постановленїя лошадей готовыхъ
онъ имѣлъ? Въ ѣздѣ своей могъ объѣзжать
селенїя, которые тогда не часты были, и
спѣсня плѣнаго Князя въ кучу людей, учи-
нить и невидима почти его встрѣчающимся...
Касательно до погони, безъ сумнѣнїя должно
думать, что она была, но что бы ее по-
слать, надлежало, что бы о семъ увѣдано

было. Не скоро, должно думать, перевязанные могли освободиться; неуповательно, что бы Влостовичь, учиня толь дерзкое предпрїятїе, не взялъ осторожности лошадей ихъ или перебить, или увезти, а по тому дошедъ пѣшкомъ до Кїева, должны были обвѣстить о семъ приключенїи; надлежало объявить и собрать людей, да тогда ѣхать въ погоню; а все сїе по крайней мѣрѣ шесть часовъ времени занимало; то каждый можетъ разсудить, есть ли возможность нагнать на трехъ стахъ верстахъ злодѣя бѣгущаго, давъ ему времени шесть часовъ? а къ томужъ и самые поѣхавшїе въ погоню должны были лошадей перемѣнять; а что болѣе ихъ было, то затруднительнѣе имъ было сыскивать довольное число лошадей, что еще замѣшканье производило.„

Всѣ сїи доказательства, на возможность онаго произшествїя, суть такого рода, что натяжка ихъ изъ далека и не по приличїю съ перваго воззрѣнїя откръвается. Въ показанїе невмѣстности ихъ вотъ что я нахожу сказать, въ прибавокъ къ тому, что говорилъ я о семъ въ примѣчанїяхъ моихъ T. I. § XCVIII. 1) Влостовичь хотя и былъ

въ Польшѣ богатъ и знатенъ, но пріѣхалъ къ Ярополку яко изгнанный и ограбленный отъ Болеслава, а по тому и не могъ имѣть при себѣ великаго числа людей. 2) Древнїе наши Государи, хотя большей пышности не имѣли, но стражу и придворныхъ при себѣ содержали и никуда безъ нихъ не выѣзжали, что можно многими мѣстами изъ лѣтописей доказать. Отъѣзжая Ярополкъ на село свое, въ которомъ имѣлъ онъ загородной или увеселительной свой домъ, взялъ съ собою Влостовича конечно не одного, но въ числѣ прочїихъ своихъ Вельможъ, которые были къ нему близки; и какъ прочїе Вельможи не болѣе имѣли при себѣ служителей, сколько по обычаю тогдашнему, благопристойность взять съ собою требовала, то и Влостовичу превышающее число служителей взять съ собою тотъ же самый обычай и благопристойность запрещали, тѣмъ паче, что и Великїй Князь поѣхалъ съ небольшимъ числомъ людей; а по тому самому никакъ не въ силахъ былъ Влостовичь всѣхъ людей пріѣхавшихъ съ Великимъ Княземъ, и тѣхъ, кои на селѣ и въ домѣ его были, перебить

и перевязать. 3) Гдѣ то было село и какъ оно называлося, куда Великій Князь отъѣхалъ, о томъ ни Польскіе Историки, Леклеркъ, ни Сочинитель письма не пишутъ; извѣстножъ по нашимъ лѣтописямъ, что загородные домы Великихъ Князей состояли на Берестовомъ, на Лыбеди, въ Боричивѣ и въ Дорогожицѣ, въ урочищахъ сущихъ подлѣ Кіева, на коихъ безъ сумнѣнія были жители и въ домѣхъ Княжескихъ стража хотя небольшая; и такъ при учиненномъ на нихъ отъ Влостовича нападеніи, вѣроятно, что хотя одинъ отъ убійства могъ спастися, и по толь ближнему разстоянію скоро прибѣжать въ Кіевъ и извѣстить о учиненномъ злодѣйствѣ. 4) Для погони не требовалося много людей, по тому что и одинъ бы могъ бѣгущихъ остановить при перемѣнѣ ими лошадей, ибо хотя тѣ деревни и отданы были Влостовичу въ кормъ или поместье, но не изключалися тѣмъ пожалованіемъ жители оныхъ изъ подданства Государю; послушали бы они прибѣжавшаго гонца, и вѣрно бы всѣ совокупно бросились на Влостовича и его сообщниковъ, и своего Государя изъ рукъ ихъ исхитили. Надобно

было для сего, чтобъ Влостовичь, испрося у Князя себѣ въ трехъ или четырехъ мѣстахъ земли, поселилъ на нихъ вызвавъ изъ Польши своихъ людей, дабы могъ удостовѣриться, что они поспѣшниками будутъ въ его умыслѣ, а отъ Рускихъ того никакъ надѣяться не могъ.

Сколько употребилъ Сочинитель письма труда въ приискиванїи оправданїя на небылицу! сыскалъ Влостовича великое число согласниковъ въ умыслѣ его злодѣйскомъ; привелъ къ нему изъ Польши тьмы людей; населилъ ему въ трехъ или четырехъ мѣстахъ деревни; представилъ всю страну сїю, по которой надлежало ему бѣжать, почти пустою; на всѣхъ рѣчкахъ, буеракахъ, болотахъ, кои по сторонамъ дороги находилися, построилъ мосты и гати, чтобъ бѣгущїе со Влостовичемъ никакихъ затрудненїй не встрѣчали; всѣ бывшїе города по дорогѣ, пограничную стражу и разъѣзды уничтожилъ; заставилъ, во все время какъ везенъ былъ Ярополкъ, ни кому по дорогѣ съ везущими его не встрѣчаться, и стѣсня Великаго Князя въ кучу людей, учинилъ его невидимкою; словомъ, всѣми пособїями

Влостовича снабдилъ, а для преслѣдующихъ его всѣ затрудненія придумалъ, всѣ препятствія изъискалъ. Однакожъ со всемъ тѣмъ произшествіе таковое не менѣе остается сумнительнымъ какъ было и прежде.

Мнѣніе мое, что баснь сію составилъ Кромеръ по образцу случившагося съ Володаремъ Княземъ Перемышльскимъ и Червенскимъ, опровергаетъ Сочинитель письма, говоря: что „таковой ошибки въ Польскихъ „Историкахъ быти не возможно, ибо плѣ„неніе Володаря было въ 1122 году, а плѣ„неніе Ярополково въ 1134 году, то есть „чрезъ двенадцать лѣтъ послѣ, а по тому „и не можно, что бы два приключенія „Польскими Писателями смѣшаны въ единое „были„ стран. 61 и 62. Я не говорилъ того, что Польскіе Писатели два приключенія смѣшали въ одно, но что по образцу истиннаго бытія, случившагося съ Володаремъ, сложилъ Кромеръ баснь о Ярополкѣ, Т. I. стр. 258; а что плѣненіе Володаря прежде Ярополкова Польскіе Писатели полагаютъ, сіе не служитъ въ доказательство, какъ мнитъ Сочинитель письма, о истинѣ послѣдняго и о неосновательности

моего мнѣнїя, ибо, по естественному чину вещей, надлежитъ чтобъ прежде бывшее служило образцомъ послѣдующему, яко подлинникъ списку. Естьлибъ не имѣлъ Кромеръ предъ глазами подлинника, то бы не съ чего сдѣлать ему было и списка. Подлинникъ есть плѣненїе Володаря, яко произшествїе бывшее, а списокъ есть увозъ Ярополка, и списокъ безобразный и уродливый. Сколько было выдано въ свѣтъ подобныхъ сей небылицъ за истинные бытїя! довольно привести на память одну, а именно Исторїю о странствованїи и приключенїяхъ Супруги Царевича Алексѣя Петровича, (о чемъ трое согласно писали) чтобъ удостовѣриться о возможности выдумать Кромеру баснь о Ярополкѣ, по безмѣстной ревности къ славѣ своего отечества. Другїе Польскїе Писатели послѣдовали ему, не хотя войти въ разсмотрѣнїе обстоятельствъ, тѣмъ паче, что расказы таковые самолюбїю ихъ угождали. Слѣдственно и согласное сказанїе многихъ не дѣлаетъ невѣроятнаго вѣроятнымъ, и сумнительнаго достовѣрнымъ, а токмо изъявляетъ или ихъ пристрастїе или неосмотрительность и невниманїе.

§ IX.

Охулялъ я Левека и Леклерка, что они предпочтительнѣе послѣдовали Писателямъ Польскимъ, описуя дѣянія Князей Россійскихъ, не безъ основанія; 1) по тому что наши лѣтописи, обнаженныя красоты слога, преимущественно изобилуютъ въ простой правдѣ; 2) что и Польскіе перьвобытные Писатели всѣ бытія историческіе почерпали изъ нашихъ лѣтописей, въ чемъ они и сами признаются необиновенно; слѣдовательно все то, что есть въ нихъ излишнее предъ нашими, касательно дѣяній древнихъ Князей нашихъ имѣющихъ связь съ дѣяніями Польскими, есть ихъ выдумка, по дѣйствію пристрастія. Правда, что теперь едва ли можно доказать ихъ въ томъ, въ разсужденіи тѣхъ бытій, которыхъ въ имѣющихся нынѣ у насъ лѣтописяхъ недостаетъ, изъ нашихъ ли лѣтописей они то заимствовали или отъ себя прибавляли, по причинѣ потери тѣхъ, изъ коихъ они брали; но здравый разсудокъ и внимательное соображеніе повѣствуемаго ими съ тогдашнихъ временъ обстоятельствами, и сказаніемъ уцѣлѣвшихъ до нынѣ Лѣтописей, можетъ быть руководствомъ Историку раз-

судительному и осторожному. Но въ тѣхъ дѣяніяхъ, кои въ оставшихся лѣтописяхъ нашихъ существуютъ, а въ Польскихъ Историкахъ описаны они иначе, предпочтительно надлежитъ слѣдовать нашимъ, яко и давностію времени и простою правдою преимуществующимъ.

Касательно похода Князей Рускихъ на помощь Князьямъ Польскимъ, К. Щербатовъ послѣдовалъ повѣствованіямъ Писателей Польскихъ, для того, говоритъ, что въ нихъ обстоятельнѣе оный описанъ; а мнѣ кажется нужнѣе въ таковыхъ случаяхъ избирать точность и вѣроподобіе нежели пространство. Краткость нашихъ лѣтописей не такъ темна, чтобъ обстоятельствъ произшествій и дѣяній видѣть не дозволяла. Приведенные имъ мѣста изъ Силвестровой и Никоновской лѣтописей оправдаютъ сіе: изъ краткаго ихъ сказанія довольно ясно усматривается, что Рускіе Князья будучи въ Польшѣ сдѣлали, а именно, что малое себѣ сопротивленіе отъ войскъ Польскихъ встрѣчая, безъ всякой опасности ходя повсюду, разоряли селенія, и обременясь добычею и плѣнниками, возвратились. Хотя

такой поступокъ и не служитъ къ чести предводительствующихъ войсками, чтобъ „мирныхъ грабить и плѣнить,„ но яко нашими Писателями свидѣтельствуемый, умолчанъ быть не долженъ. Не мѣшало къ симъ краткимъ повѣствованїямъ прибавить обстоятельствъ и изъ Польскихъ Писателей, коимъ сїи болѣе должны быть извѣстны, какъ я въ примѣчанїяхъ моихъ и учинилъ, T. I. § XCVIII.; но съ разсмотрѣнїемъ, дабы они не противорѣчили нашимъ лѣтописямъ, такъ какъ сдѣлали Левекъ и Леклеркъ, написавъ: что „Князья Рускїе „едва могли спасти жизнь свою съ малымъ „числомъ воевъ;„ ибо, естьли бы сїе было правда, не возвратилися бы они тогда обремененные добычею и плѣнниками.

§ X.

Гдѣ убитъ былъ Игорь, о томъ не имѣлъ я ни намѣренїя ни нужды говоритъ, „но „кто о слезахъ и воплѣ народномъ сказывалъ Леклерку„ о томъ спросить имѣлъ причину, понеже въ нашихъ лѣтописяхъ того не повѣствуется, чтобъ „тѣ самые „люди, которые въ ярости убили Игоря,

„испускали жалобные вопли при погребенїи „его„ какъ точно Левекъ и Леклеркъ написали. Сочинитель письма отвѣтствуя за нихъ говоритъ, что сказалъ имъ о томъ тотъ же, которой и ему, а именно Никоновская лѣтопись, въ которой написано: „и „устрашишася людїе и восплакашеся, и проч.; „и что послѣдуя сей лѣтописи изъяснилъ „онъ причины страха и раскаянїя народ„наго.„ стр. 65.

Кто справится съ Никоновскою лѣтописью, тотъ увидитъ что страха народнаго была другая причина, а о раскаянїи и вовсе не упоминается: оправдая себя, не должно клепать на другихъ. Тамъ написано, что когда стали надъ тѣломъ Игоревымъ совершать обычное послѣдованїе надъ погребаемыми, тогда сдѣлалося страшное знаменїе, а именно, при великомъ громѣ и молнїи, показался столпъ свѣтозаренъ надъ церковїю отъ земли до небеси, и земля потряслася; что видя сїе бывшїе при погребенїи, всѣ выбѣжали изъ церкви; „и устра„шишася людїе, и восплакаша глаголюще, „Господи помилуй! и оскорбишася людїе на „долгъ часъ, глаголюще: „что се будетъ?„

и что послѣ какъ вошли они въ церковь, то увидѣли, что всѣ свѣчи сами собою загорѣлися, отъ чего и болѣе пришли въ ужасъ. Вотъ причины страха, удивленїя и плача присутствовавшихъ при погребенїи, которые Сочинитель письма обращаетъ къ раскаянїю убїйцъ. Положимъ, что изъ числа оныхъ были нѣкоторые при погребенїи, и что таковое страшное знаменїе и очевидное чудодѣйствіе, коснувшися ихъ чувствамъ, привело ихъ въ раскаянїе о содѣянномъ ими въ буйственной запальчивости злодѣйствѣ; представимъ себѣ ихъ пораженныхъ ужасомъ, трепещущихъ и рыдающихъ: но сїе ихъ раскаянїе, плачь и рыданїе не будетъ знакомъ сожалѣнїя ихъ о убїенномъ, но дѣйствїемъ настоящаго чуда и воображенїемъ гнѣва Божїя и казни отъ владѣющаго Князя. Кто признаетъ сказанное чудо вѣроятїя достойнымъ, тотъ и плачь убїйцъ изъ сожалѣнїя о убїенномъ почтетъ таковымъ же.

§ XI.

Жалуется Сочинитель письма на меня, что яко бы я излишнюю строгость упо-

требилъ, (обличая его въ погрѣшности его, что онъ рѣку Стыръ назвалъ Греблею,) сказавъ, что непростительно Рускому человѣку не знать Рускаго слова; и хотя и признается въ незнанїи слова гребля, однакожъ погрѣшность свою простительною быти мнитъ, по слѣдующимъ причинамъ. Перьвое, что онъ въ Украйнѣ не бывалъ, а по тому и Украинскаго наречїя не знаетъ. Второе, что обстоятельства приключенїя спросить о семъ словѣ у знающихъ людей его отвели, „ибо побоище сїе было, гово„рить, Февраля 8 числа, то я почитая, „что тогда еще рѣка бывъ льдомъ покры„та, пѣшцы побѣжали по гробли, знамено„вало по рѣкѣ сего имяни; ибо во время „замерзанїя рѣкъ нѣтъ нужды по плотинѣ „бѣжать, а сїе самое и отвело меня спро„сить объясненїя слова гребли.„ Трешїе, что хотя бы онъ и зналъ, что значитъ слово гребля, но за неимѣнїемъ имени рѣки протекающей подъ Луцкимъ, счелъ бы его за имя оныя рѣки, по тому что многїя рѣки имѣютъ такїе „имянованїя, которые „могутъ отнестись и къ другимъ вещамъ, „яко въ Тарускомъ уѣздѣ есть рѣка Роща,

„а другая Лужа.„ Послѣ такого чистосердечнаго признанїя не къ чести Историка служащаго, дѣлаетъ примѣчанїе на мнимую мою ошибку, что яко бы слово гребля не то значенїе имѣло въ Лѣтописцахъ, какое нынѣ оно имѣетъ на Малороссїйскомъ наръчїи, а то, что нынѣ подъ словомъ гать разумѣемъ; ибо, по мнѣнїю его, во время Несторово не было въ Россїи ни плотинъ, ни мѣльницъ, слѣдовательно и я въ истолкованїи сего слова ошибся, приписавъ къ нему иной смыслъ.

На сїи оправданїя, признанїе, и въ ошибкѣ моей изобличенїе отвѣчаю: на 1) слово Гребля или Гробля не есть Украинское, но древнее Славянорускоe; Несторъ и другїе Лѣтописцы во многихъ мѣстахъ его употребляли вмѣсто плотины, равнымъ образомъ и Сочинитель Россїйской Исторїи не въ одномъ мѣстѣ употребилъ его за имя рѣки, яко и щома перваго на стран. 231. Въ нынѣшнемъ языкѣ Рускомъ оно неупотребительно, но осталося и поднесь въ Польскомъ и Малороссїйскомъ наръчїяхъ; въ Польшѣ говорятъ grobla, а въ Малороссїи гребля. Словожъ гать и при Несторѣ было уже из-

вѣстно, ибо въ лѣтописи его, на стр. 197 написано: „а межь ими рѣка Бѣлка, и по„велѣ Всеволодъ чинити гати комуждо сво„ему полку;„ и въ томъ же смыслѣ и по нынѣ осталося: по Польски называется Gac, а по Малороссїйски гать. На 2) Въ странѣ подъ толь теплымъ климатомъ лежащей, какова есть сїя, въ которой рѣка Стыръ находится, едва ли можно въ Февралѣ мѣсяцѣ быть такому толстому льду, чтобъ чрезъ него войску безъ опасности можно было переходить; но положимъ быть сїе возможнымъ, однакожъ не извлекается изъ того права, чтобъ всякую рѣку, чрезъ которую можно во время замерзанїя ея по льду переходить, позволительно называть было плотиною. На 3) Ктобъ повѣрилъ, что можно писать Исторїю не знавъ Географїи, естьлибъ собственное Историка нашего признанїе въ томъ не удостовѣряло. Я былъ столько скроменъ, что будучи давно о томъ извѣстенъ, хотѣлъ лучше, оговаривая ошибку его въ словѣ гребля, отнести по къ незнанїю языка, нежель къ незнанїю имени рѣки толь не малыя, какова есть Стыръ, и текущїя подъ толь знаменитымъ

по Исторіи нашей городомъ, каковъ есть Луцкъ, въ предѣлахъ коего многіе важные произшествія случалися. Непростительно, сказалъ я тогда, Рускому человѣку не знать Рускаго языка опносительно къ пишущему Рускую Исторію, и въ такомъ разумѣ что часто случается, что одно слово, въ другомъ смыслѣ принятое, можетъ цѣлой рѣчи присвоить иной смыслъ, цѣлое дѣяніе преобразить въ иной видъ; чтожъ сказать теперь, когда самъ онъ признается, что пишучи Рускую Исторію, не зналъ Рускихъ городовъ, въ которой они сторонѣ и на какой рѣкѣ стоятъ? Достаточнымъ себѣ изъвиненіемъ признаетъ сказать: „Не зналъ я „имени рѣки протекающія подъ Луцкимъ„ такъ какъ бы Луцкъ былъ за придевять земель въ придесятомъ царствѣ, какъ въ сказкахъ сказываютъ.

Касательно мнѣнія, яко бы въ двенадцатомъ столѣтіи ни плотинъ, ни мѣльницъ въ Россіи не было, не имѣю я потребности входить въ разсмотрѣніе, яко до меня непринадлежащее, хотя и кажется оно мнѣ нестаточнымъ.

§ XII.

Что Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславичи, а не Михаилъ Георгїевичь послѣ Князя Андрея Боголюбскаго призваны на престолъ Владимирскїй, о томъ не Татищевъ токмо, но всѣ древнїя лѣтописи согласно пишутъ, и коимъ одинъ токмо Сочинитель письма противорѣчитъ. Въ лѣтописяхъ нашихъ сїе бытїе ясно описано, а именно, что по убїенїи Князя Андрея Боголюбскаго, всего Княжества Владимирскаго народъ, собравшись во Владимиръ, общимъ согласїемъ и приговоромъ положили призвать на княженїе къ себѣ Князей Мстислава и Ярополка Ростиславичей, и въ слѣдствїе того всенароднаго постановленїя и послали къ нимъ нарочныхъ съ прошенїемъ о томъ; по приглашенїю коихъ оные Князья и отправились съ нимижъ во Владимиръ. Хотяжъ, между тѣмъ, Князья Мстиславъ и Ярополкъ и пригласили Князя Михаила въ сокняженїе къ себѣ, и дали ему старѣйшинство надъ собою, на что, какъ видно изъ обстоятельствъ послѣдующихъ, и Владимирцы были согласны; но какъ не было на то согласїя прочїихъ городовъ, то и договоръ сей между Князьями

и согласїе Владимирцовъ на оной не могли назватьсѧ ни дѣйствительными, ни законными. Постановленїе общенародное не льзя иначе перемѣнить какъ по согласїю всегожъ народа. Сїе приглашенїе Ярополкомъ и Мстиславомъ въ сокняженїе Михаила и согласїе на то Владимирцовъ, въ противность общенароднаго приговора, произвело повсюду всеобщее негодованїе. „Слышавъ же, Ростовцы, „Суздальцы и Переяславцы, что идетъ Ми„хаилъ Юрьевичь, начаша негодовати.„ А какъ, не взирая на сїе всеобщее негодованїе, Князь Михаилъ Юрьевичь отъ намѣренїя своего не отсталъ, и одинъ отъ Князей Ярополка и Мстислава во Владимиръ уѣхалъ, а Владимирцы его за Князя своего признали; тогда всѣ прочїе города объявили имъ, яко нарушителямъ народнаго постановленїя, войну. Владимирцы не въ состоянїи будучи противитьсѧ общимъ Княжества силамъ, принуждены были повиноватьсѧ ихъ воли и Князя Михаила изъ города отъ себя выслать. По отшествїи его кончилось междоусобїе, и Князья избранные всего народа согласїемъ остались вкупѣ на княженїи, Ярополкъ, яко старшїй, во

Владимирѣ, а Мстиславъ въ Ростовѣ, городѣ ко Княжеству Владимирскому принадлежащемъ. Не ясно ли изъ сего открывается, что по Князѣ Андреѣ заступили престолъ Княжества Владимирскаго Ярополкъ и Мстиславъ, а не Михаилъ, и что послѣдній держалъ Владимиръ не по праву народнаго избранія; въ слѣдствіе чего и не признаваемъ былъ всѣми Государственными Чинами за законнаго Князя, но за похитителя.

§ XIII.

Подъ § CII. Примѣчаній моихъ на Леклерка, въ выноскѣ упомянулъ я, что Леклеркъ, 1) при описаніи Коломанова княженія въ Галичѣ, разные бытія, не малымъ временемъ раздѣленные, совокупилъ въ одно, а другіе важные пропустилъ; 2) что число Рускихъ войскъ бывшихъ на сраженіи при Калкѣ, увеличилъ, а Татарскихъ уменьшилъ; 3) что взятье и разореніе Кіева положилъ за нѣсколько лѣтъ прежде нежели оное въ самой вещи послѣдовало. Сочинитель письма на первое говоритъ: „въ Исторіи моей не „смѣшалъ я разныя побѣды, одержанныя надъ „Коломаномъ Княземъ Венгерскимъ. „ . . . .

Я о смѣшенїи побѣдъ не говаривалъ, и на Исторїю его ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ не указывалъ; а говорилъ о совокупленїи Леклеркомъ разныхъ бытїй не малымъ временемъ раздѣленныхъ, что всякой, кто захочетъ потрудиться свести его Исторїю съ нашими лѣтописями, удобно усмотритъ, не только въ семъ времени, о которомъ настоитъ рѣчь, но и въ другихъ мѣстахъ. О побѣдахъ одержанныхъ надъ Коломаномъ Рускими Князьями, о взятьѣ его въ плѣнъ, и о освобожденїи за 15000 фунтовъ серебра, нѣтъ мнѣ нужды ссылаться на другихъ, ибо и Татищевъ тожъ написалъ, съ уменьшенїемъ только числа денегъ за выкупъ за Коломана взятыхъ; количество коихъ кажется Сочинителю письма невѣроятнымъ. Но развѣ я утверждалъ быти оное достовѣрнымъ? я писалъ то, что нашелъ въ лѣтописяхъ, не входя въ разбирательство, должно ли тому вѣрить или нѣтъ. Сїе обязанъ былъ учинить Историкъ: я не писалъ Исторїи, а по тому и не имѣлъ нужды входить въ подобные разсмотрѣнїя; и о настоящихъ обстоятельствахъ напомянулъ только мимоходомъ, въ вящшее доказатель-

ство неосмотрительностей Леклерковыхъ.... О числѣ войскъ Рускихъ и Татарскихъ написалъ я послѣдуя имѣющейся у меня древней лѣтописи, а про уронъ Татаръ сказанїю Татищеву, не сомнѣваясь, чтобъ онъ, не имѣя на то Историческаго доказательства, такъ написалъ, хотя „и ни на какого древняго „Писателя не ссылается;„ тѣмъ паче, что и самое послѣдствїе обстоятельствъ сказанїе его подтверждаетъ; ибо естьли бы не имѣли Татара толь важнаго урона, то не оставили бы послѣ сраженїя учинить нападенїя на области Рускїя, вѣдая, что онѣ, по толь жестокомъ пораженїи, никакъ не въ силахъ были учинити сильнаго отпора.

§ XIV.

Левекъ, уличая Леклерка, что онъ, сочиняя свою Исторїю о Россїи, всѣ вещества Историческїе бралъ изъ его Исторїи, даже и ошибкамъ его послѣдовалъ, и въ томъ приводомъ самыхъ тѣхъ мѣстъ его доказываетъ; я въ томъ же самомъ намѣренїи оныя улики Левековы, въ моихъ Примѣчанїяхъ на Леклерка, повторяя написалъ: „у Левека, „подъ лѣтомъ 1093, вмѣсто Святополкъ

„Изяславичь, ошибкою поставлено Свято-
„полкъ Ярославичь, и Леклеркъ точно также
„написалъ, Левекъ ошибкою написалъ, Лѣто-
„писи сказуютъ, а надобно бы сказать: Князь
„Щербатовъ пишетъ, и Леклеркъ написалъ
„то же, Лѣтописи сказуютъ.„

Сочинитель письма послѣднее изобли-
ченїе Левеково Леклерку, въ которомъ упо-
минается имя его, приписавъ невѣдомо по
чему мнѣ, вмѣняетъ то себѣ въ охуленїе
отъ меня, и съ крайнимъ оскорбленїемъ жа-
лобу на меня приноситъ, говоря: „Сколько
„въ сихъ краткихъ словахъ не вмѣщается
„напраснаго охуленїя мнѣ! зачать ли мнѣ
„за зло зломъ воздавать, за сокрытое ру-
„гательство отвѣтствовать бранью„ и проч.
Естьли прописанные слова, ни малаго оскорб-
ленїя, не только ругательства въ себѣ не
заключающїе, прїемлетъ онъ за охуленїе и
бранъ, то по крайней мѣрѣ не отъ меня,
а отъ Левека, ибо не мои то суть слова,
а его, о чемъ я точно и сказалъ, говоря:
„изъ многихъ его (сирѣчь Левековыхъ) до-
„водовъ покажу я токмо нѣкоторые, дока-
„зывающїе, что и самыя ошибки писменїя
„въ его книгахъ находящїяся, не оставилъ

„онъ внести въ свои;„ а прописавъ тѣ Левековы доводы еще повторилъ: „сіи суть „доводы Г. Левека.„ Т. I. § CVII. Въ вящшее удостовѣреніе пусть онъ, естьли угодно будетъ, справится съ Исторіею Левековою, то увидитъ, что оные слова, пріемлемые имъ за охуленіе себѣ, суть точно его, а не мои. Однакожъ, Сочинитель письма мнитъ себя быть въ правѣ, за *сокрытые* мнимые отъ меня ругательства, коихъ въ самой вещи не явилось, отвѣтствовать мнѣ бранью, и не иначе, какъ будто бы изъ великодушія, симъ правомъ пользоваться не хочетъ: но я вмѣсто досады сожалѣю о заблужденіи, и угрозительные слова, по дѣйствію желчи и высокомѣрія произнесенные, оставляю безъ замѣчанія.

Послѣ, продолжая жалобу свою на меня, пишетъ: „Но охулитель мой, смѣшавшій „меня своего согражданина, сочлена въ Рос„сійской Академіи, съ Леклеркомъ охуляя „Левека, что онъ иногда на меня ссылается, „самъ многажды дѣлаетъ ссылку на Тати„щева, и сіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ „либо противорѣчитъ нашимъ лѣтописямъ, „и проч.„... стран. 87 и 88. Что мнѣ

отвѣчать на такія укоризны, коихъ я ниже по намѣренію не заслужилъ; Левека я, не только въ ссылкѣ его на Исторію Князя Щербатова, но ни въ чемъ и никогда не охулялъ; своего почтеннаго Согражданина и Сочлена Академіи смѣшивать съ Леклеркомъ, о которомъ я не иначе разумѣю какъ о дерзкомъ клеветникѣ и сущемъ враль, ниже въ голову мою не приходило; слова произведшіе на меня сію укоризну, суть не мои, какъ я выше сказалъ, но Левековы, и я приводилъ ихъ не въ намѣреніи охулить Левека, но изобличить Леклерка въ запирательствѣ его, яко бы онъ ничего изъ Исторіи его не почерпалъ. И такъ весьма сожалѣю, что почтенный мой Согражданинъ и Сочленъ, не примѣтя смысла словъ моихъ довольно ясныхъ, безъ всякой причины толико оскорбился, а еще болѣе, что не справяся съ Левекомъ, произнесъ на меня жалобу и сдѣлалъ мнѣ укоризну несправедливо.

Касательно ссылки моей на Татищева, сего отнюдь ни за охуленіе, ни за порокъ себѣ не вмѣняю и не пріемлю; довѣренность моя къ нему основывается на томъ, первое, что я не примѣтилъ въ его Исторіи ничего

ни легковѣрнаго, ни сумнительнаго, а все съ разсужденїемъ, съ точностїю и съ доводами писанное; второе, что все то, что онъ писалъ, находилъ я согласнымъ и съ нашими лѣтописями и съ обстоятельствами временъ и произшествїй; а по тому и не имѣю я причины раскаяваться, что и въ приведенныхъ мнѣ въ укоризну мѣстахъ ему послѣдовалъ, хотя въ нихъ Сочинитель письма ему и противорѣчитъ.

Въ слѣдствїе предложеннагожъ, продолжаетъ оскорбленный мой Согражданинъ и Сочленъ мнимымъ ему отъ меня похуленїемъ, говоритъ: „За всемъ симъ не безъ„извѣстнымъ Г. Болтину, ссылается во мно„гихъ мѣстахъ на Татищева, обо мнѣ же „поминаетъ токмо тогда, когда то можетъ „въ предъосужденїе мнѣ учинить. Не знаю „тому причины, ибо въ лице его не знаю, „и истинно ни мыслїю моею никогда не „погрѣшилъ противу его.„ На что искренно отвѣчаю: Начавъ дѣлать возраженїя на Леклерка, не имѣлъ я при себѣ Исторїи Князя Щербатова; и хотя бы могъ ея испросить у прїятелей моихъ на подержанїе, но я не признавалъ ее необходимою для моея ра-

боты, имѣя у себя Нестора, Татищева, одну старинную Лѣтопись и Левека; да и справки дѣлалъ я рѣдко съ Рускими книгами, вѣдая, что Леклеркъ, не зная по Руски, не могъ почерпать изъ нихъ, а только то описалъ, что находилъ въ Левекѣ, и на что даны ему были здѣсь отъ пріятелей его замѣчанія, выписки и наставленія. Возражая мѣста находимые мною несправедливыми и сумнительными въ Исторіи Леклерковой, не входило мнѣ въ голову, что я, противорѣча имъ, возпротиворѣчу и Князю Щербатову, а еще менѣе, что тѣмъ самымъ причиню ему оскорбленіе и досаду. Словомъ сказать, кончилъ я мои Примѣчанія на Леклерка не заглянувъ ни единожды въ его Исторію, и для того ни въ одномъ мѣстѣ на нее не ссылался, хотя иногда и надобность въ томъ была, какъ на примѣръ о Тмутараканѣ и тому подобныхъ вещахъ; упомянулъ же единожды имя его при означеніи ошибки его въ словѣ *гребля*, по памяти читавъ прежде его Исторію. Все сказанное мною есть истинна, которую я послѣ и докажу. Въ прочемъ я самъ пожъ скажу о Князѣ Щербатовѣ, что онъ о мнѣ

говоритъ, что я въ лице его не знаю, и истинно ни мыслїю моею никогда не согрѣшилъ противъ его; прибавя къ тому, что и отъ него себѣ ни малѣйшїя досады не видѣлъ; слѣдовательно и причины негодовать на него, тѣмъ менѣе вредить ему дѣломъ или словомъ, не имѣлъ и не имѣю.

§ XV.

Объ обрядѣ употребляемомъ Татарскими Ханами, при случаѣ возведенїя по волѣ ихъ изъ Князей Россїйскихъ на престолъ великаго княжества, писалъ я основываясь на Татищевѣ и на имѣющейся у меня рукописей лѣтописи, съ которыми и краткїе слова Нестора являются быть согласными; равнымъ образомъ и изъ Никоновской лѣтописи мѣсто приведенное Сочинителемъ письма тому не противорѣчитъ же. Слова оныя Лѣтописи, на коихъ онъ утверждаетъ свое противорѣчїе Татищеву и мнѣ, суть: „и тогда Царь Махметъ даде великое княженїе Князь Василью Васильевичу, и повелѣ дядѣ его и конь подвести;„ говоря, что вмѣщенная въ нихъ частица, и, являетъ, что коня подводить старшему изъ удѣль-

ныхъ Князей не принадлежало къ обряду постановленїя, какъ я написалъ въ Примѣчанїяхъ моихъ, Т. I. стран. 297; и что послѣдующїе слова тояжъ Лѣтописи, по мнѣнїю его, и болѣе то утверждаютъ: „Князь же Василїй Васильевичь не восхотѣ „того дядю своего обезчестити; слѣд- „ственно, говоритъ, естьли бы сей былъ „всегдашнїй обычай, то бы сїе ему въ без- „честїе вмѣнить не льзя, яко и прекло- „ненїя колѣнъ матери Карла IX. предъ ея „сыномъ.„

Самые сїи слова, коими Сочинитель письма мнѣнїе свое подкрѣпить хочетъ, являютъ противный смыслъ тому, каковый онъ въ нихъ подразумѣваетъ. Частица, и, по мнѣнїю моему, болѣе подтверждаетъ Тапищева и мое сказанїе, что велѣно было Князю Юрью Дмитрїевичу коня подвести въ слѣдствїе обряда обыкновенно при таковыхъ случаяхъ употребляемаго, нежель для усмиренїя гордости его, какъ разумѣетъ онъ и Леклеркъ; и что для вразумленїя послѣдняго не было бы нужды ее поставить, яко никакъ къ подразумѣвающемуся смыслу не относящуюся. Когда писана была Лѣто-

пись, которой НикономЪ послѣдовалЪ, тогда не было нужды объяснять о семЪ обрядѣ яко о извѣстномЪ всѣмЪ, и для того Сочинитель ея удовольствовался краткими словами его означить, „и повелѣ дядѣ его „и конь подвести;„ сирѣчь совершити дѣйствїе обрядомЪ постановленїя предписанное. Не то же ли бы самое было, естьли бы онЪ сказалЪ тако: Улу-МагметЪ, выслушавЪ прозьбу и преніе между Дяди и Племянника, предпочелЪ прозьбу послѣдняго, признавая притязанїе его на престолЪ Великокняжескїй правильнѣйшимЪ, и пожаловавЪ его ВеликимЪ КняземЪ, приказалЪ то свое пожалованїе совершить по чину; вЪ слѣдствїе котораго Дядѣ, яко старѣйшему изЪ Князей, коня Племяннику подвесши надлежало. ТакЪ я краткїе слова нашихЪ лѣтописей понималЪ, и кажется иначе и понимать ихЪ не должно.

Ежели ТатищевЪ не написалЪ, откуда онЪ почерпнулЪ существованїе прописаннаго обряда, и ежели сказанная частица и, не заставляетЪ подразумѣвать онаго, то и Князь ЩербатовЪ не написалЪ же, откуда онЪ взялЪ, что Улу-МагметЪ, для усмиренїя

гордости Георгїевой, велѣлъ ему коня племяннику своему подвести; ибо въ лѣтописяхъ нашихъ не обрѣтается ни точнаго сказанїя о семъ обрядѣ, ниже для чего коня Георгїю подвести велѣно, тѣмъ менѣе того, чтобъ сїе дѣйствїе относительнымъ ко усмиренїю гордости Георгїевой разумѣть было должно.

Послѣднїе слова, „Князь же Василїй не „восхотѣ того дядю своего обезчестити„ также будутъ темны и невразумительны, ежели не отнесть ихъ къ сказанному обряду; ибо, въ противномъ случаѣ, не могъ бы Князь Василїй освободить дядю своего отъ дѣйствїя возложеннаго на него въ наказанїе за его гордость, понеже сїе увольненїе не отъ негобъ тогда зависило, а отъ Улу-Магмета, подвергнувшаго его сему наказанїю или пени. Положа веденїе коня относительнымъ къ обряду, будетъ имѣть волю Князь Василїй освободить дядю своего отъ исполненїя сея должности, и препоручить ее другому изъ Князей старѣйшему по немъ. Не было безчестїя конечно Князю Георгїю, въ слѣдствїе сего обряда, яко удѣльному Князю коня вести подъ Ве-

ликимъ Княземъ, по Тапарскому чинополо-
женїю; но племянникъ его, изъ почтенїя
къ нему, вмѣнилъ то, слѣдуя Рускимъ обы-
чаямъ, въ безчестїе ему, и для того велѣлъ
заступить мѣсто его другому. Карлъ IX.
счелъ исполненїе обряда, состоящаго въ ко-
лѣнопреклоненїи матери его предъ нимъ, за
необходимое, можетъ быть по тому, что не
кому было, по приличности, мѣста ея засту-
пить; а Василїй могъ уволить дядю своего
отъ подобнагожъ исполненїя, по тому что
Георгїево мѣсто и другому заступить чино-
положенїе Татарское не возпрещало; и такъ
ни первой исполненїемъ обряда не нанесъ
матерь своей безчестїя, ни другой увольне-
неїемъ дяди своего онаго не нарушилъ.

§ XVI.

Гдѣ стояла Тмутаракань, по сїе время
еще не доказано, хотя на то многїе Пи-
сатели различные мнѣнїя приводятъ. Та-
тищевъ мнитъ быть городу сему въ кня-
жествѣ Резанскомъ, въ верховьѣ рѣки Прони,
гдѣ и поднесь, какъ сказывалъ ему одинъ
тамошнїй Дворянинъ, есть запустѣлое горо-
дище и нѣсколько зданїя каменнаго видно.

Я, основываясь на тѣхъ же свидѣтельствахъ, кои Татищевъ на мнѣнїе свое приводитъ, полагалъ быть ему на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ пригородъ называемый Старая Резань находится; однакожъ, объявляя о семъ мнѣнїе свое до мнѣнїя Князя Щербатова, полагающаго быть Тмутаракани, гдѣ нынѣ Азовъ, отнюдь не касался, ибо не имѣя въ рукахъ его Исторїи, какъ выше я сказалъ, писанное имъ о семъ не пришло мнѣ въ память; въ слѣдствїе чего и исчисляя разные мнѣнїя о мѣстѣ сего города, не причислилъ его мнѣнїя къ прочїимъ. Сочинителю письма угодно было мнѣ оное припомнить, такъ какъ бы упрекая меня въ неосторожности, что я, искавъ мѣста Тмутаракани, позабылъ его болѣе прочїихъ вѣроятнѣйшее; однакожъ, я благодаря его за припоминанїе, останусь лучше при моемъ. Какіежъ доказательства, что княженїе Тмутараканское было близь Азова, онъ приводитъ? 1) „Что княженїе сїе наводило страхъ „Грекамъ; 2) что посланный отъ Грековъ Ко„топанъ, отправивъ Князя Роспислава, ушелъ „въ Корсунь и урекъ смерть его до дни „осьмаго.„ И такъ естьли бы Тмутаракань

была въ Резани, то бы, по мнѣнїю его, Ростиславъ не могъ наводить страхъ на Грековъ; не могъ бы брать дань съ Косоговъ жившихъ на Дону, и по крайней мѣрѣ, не въ верховьѣ сея рѣки, также и Котопанъ не могъ бы прежде осьмаго дни приѣхать въ Корсунь.

Давно уже я примѣтилъ, и по многимъ другимъ обстоятельствамъ, что въ Резани полагать Тмутаракань не сходно, но не обрѣтая другаго мѣста приличнѣйшаго, принужденнымъ нашлося согласиться на мнѣнїе Татищева; ибо всѣ прочїе мнѣнїя еще болѣе прописаннымъ обстоятельствамъ противорѣчатъ, а особливо тѣхъ, кои полагаютъ ее тамъ, гдѣ нынѣ Азовъ, что можно ясно доказать. Оставя прочїе затрудненїя встрѣчающїеся въ лѣтописяхъ, разсмотримъ одни сказанные: ежели изъ Резани неудобно было Ростиславу страхъ причинять Грекамъ, то не менѣе неудобножъ изъ Азова, ибо говорится здѣсь не о тѣхъ Грекахъ, кои жили на Таврическомъ полуостровѣ, но о тѣхъ, кои жили въ Елиссѣ и другихъ городкахъ по Днепру. Ежели далеко кажется изъ Резани брать дань съ Косоговъ, то еще гораздо

далѣе изъ Азова, ибо Косоги подлинно жили въ верховьѣ Дона и по рѣкамъ впадающимъ въ него, а не на устьѣ его, которое, равно какъ и весь берегъ Азовскаго моря, принадлежало другимъ народамъ. Ежели Ко-
топану трудно было прежде осьми дней изъ Резани приѣхать въ Корсунь, то изъ Азова и на нынѣшней почтѣ ѣдущему едва ли то будетъ возможно; ибо здѣсь идетъ рѣчь не о той Корсунѣ, которая была въ Таврїи, но о той, которая и по нынѣ существуетъ на рѣкѣ Росѣ, и въ которой подлинно тогда Греки жили, чего Сочинитель письма не досмотрѣлъ, хотя о городѣ семъ и не однократно въ лѣтописяхъ нашихъ упоминается. Сверхъ того всякому и мало свѣдущему въ нашей Исторїи извѣстно, что древнїе предѣлы Россїи никогда до тѣхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ Азовъ, не простиралися, и что пограничными городами былъ Елецъ, Воронежъ, Курскъ и проч., да и самъ Князь Щербатовъ въ Исторїи своей, Т. II. стр. 83. пишетъ, что около тѣхъ мѣстъ, гдѣ Азовъ, жили Половцы, кои и до того времени тамъ кочевали. Всѣ сїи обстоятельства сообразя и одумавъ, долженъ былъ я согласиться на то,

что Тмутаракань была въ Резани, не находя другаго мѣста для нее приличнѣйшаго.

Однакожъ, недоволенъ будучи симъ мѣстомъ для нее, употребилъ я всю мою прилѣжность въ сысканїи подлиннаго, или по крайней мѣрѣ сходнѣйшаго мѣста для сего города, нежель всѣ тѣ, которые отъ разныхъ Писателей представлялися; но всѣ мои старанїя о семъ осталисъ бы, можетъ быть безплодными, ежели бы нечаянный случай желанїю моему не удовлетворилъ. Подлинно нашелъ я истинное мѣсто, гдѣ была Тмутаракань, и которое по тому я истиннымъ называю, что оно всѣ прописанные затрудненїя разрѣшаетъ, и всѣмъ произшествїямъ относящимся къ сему городу, упоминаемымъ въ нашихъ лѣтописяхъ, соотвѣтствуетъ. Предъоставляю себѣ сказать о томъ въ другомъ сочиненїи приличнѣйшемъ для таковыя предлежности, и которое, уповаю, ежели не воспрепятствованъ чемъ буду, въ скоромъ времени окончить. Послѣ разглагольствїя о Тмутараканѣ, Сочинитель письма обращается къ словамъ Леклерковымъ, прописаннымъ мною въ Примѣчанїяхъ моихъ на него, Т. I. § CLXIII. Расказы-

ваетъ подробно какъ и по чему сдѣлался онъ ему знакомъ, и что съ нимъ когда говаривалъ, и наконецъ заключаетъ тѣмъ, что онъ ему никакихъ записокъ о Законахъ нашихъ не давывалъ; слѣдовательно Леклеркъ все то солгалъ, и его тѣмъ, яко бы онъ его „многочисленными сокращеніями снабдилъ„ безстыднымъ образомъ поклепалъ. Но какъ все сіе до меня не принадлежитъ, а относится токмо къ вящшему свидѣтельству наглой лживости Леклерковой, даже до степени превышающія вѣроятіе; и такъ, и увѣреніе Леклерково и отрицаніе Сочинителя письма, оставляю я въ полной ихъ силѣ.

§ XVII.

О Думныхъ Дворянахъ говорилъ я послѣдуя Татищеву, онъ такъ точно въ своемъ Словарѣ Географическомъ, Политическомъ и Гражданскомъ написалъ, съ котораго списокъ имѣю я у себя хотя и неполной, и ежель есть въ описаніи моемъ о семъ погрѣшность, то не ко мнѣ оную, а къ нему относить должно. Однакожъ, весьма сумнительно, чтобъ Татищевъ могъ въ семъ сказаніи сдѣлать ошибку, ибо при Петрѣ Великомъ

былъ уже онъ въ совершенныхъ лѣтахъ, и слѣдовательно могъ довольно наслышаться о семъ отъ такихъ людей, кои сами были въ Думныхъ Дворянахъ, и коихъ согласное ему сказанїе безъ сумнѣнїя вящшую довѣренность заслуживаетъ, нежель чье либо заключенїе сдѣланное изъ краткихъ и темныхъ словъ книгъ розрядныхъ. И такъ да проститъ мнѣ почтенный мой Согражданинъ и Сочленъ, что я болѣе въ семъ случаѣ къ сказанїю Татищева нежели къ его имѣю довѣренности, въ разсужденїи причинъ сказанныхъ, на коихъ я основываюся.

§ XVIII.

Древнее наше слово, бояринъ, Татищевъ производитъ изъ двухъ словъ Сармацскихъ, *по* и *ярикъ*, значущихъ, *голова умная;* а Сочинитель письма изъ двухъ словъ Рускихъ *бой* и *яръ*, и опровергая перьвое, а своего изобрѣтенїя дѣльность утверждая говоритъ:

„Не соглашусь прежде на догадку Тати-
„щева, пока мнѣ ясно доказано будетъ:
„1) что знаютъ нынѣ языкъ Сармацской,
„и что мнимо остающїеся слова точно отъ
„него произходятъ; 2) что въ Новѣгородѣ

„и въ Кïевѣ, какъ въ началѣ Россïйскïя Мо-
„нархïи, такъ и во времена Преподобнаго
„Нестора Сармапскïй языкъ былъ во упо-
„требленïи; и 3) что тогда внутреннее
„управленïе или градомудрïе предпочитали
„военнымъ добродѣтелямъ, какъ слово, *умная*
„*голова*, того требуетъ.„ стр. 120.

Поищемъ же мы, не можно ли требованïй его удовлетворить, чтобъ убѣдивъ тѣми заставить признать свое словопроизводство нестаточнымъ. На 1) Всѣ тѣ народы, которые издревле заселяли все пространство нынѣшнïя Россïи, разумѣемъ мы подъ общимъ названïемъ Сарматъ. Они раздѣлялися на многïе поколѣнïя, изъ коихъ каждое подъ особливымъ правленïемъ и особливое названïе имѣло. Нѣкоторые изъ нихъ будучи вытѣснены изъ отечественныхъ своихъ обиталищъ другими сильнѣйшими ихъ народами, отошли въ другïя страны и тамъ новые царства основали; таковы суть: Авары, Угры, Команы и проч. Другïе, оставшися на прежнихъ своихъ мѣстахъ, или далѣе къ Сѣверу отступя, превратились въ Рускихъ и свой языкъ вовсе утратили; таковы суть: Меря, Мурома, Весь и пр. Нѣкоторые же изъ нихъ

и бывъ нѣсколько вѣковъ подъ начальствомъ иноплеменныхъ имъ народовъ, сохранили по нынѣ свой языкъ и природу; таковы суть: Мордва, Чуваши, Черемиса, Корелы, Фины и проч. Они говорятъ и теперь языкомъ Сарматскимъ, не тѣмъ самымъ, которымъ говорили праотцы ихъ за нѣсколько вѣковъ отъ сего времени, но нарѣчіемъ произходящихъ отъ того, болѣе или менѣе отъ него отдалившимся, по смѣшенію съ другими языками; однакожъ не менѣе, можетъ быть, сходнымъ, сколь сходенъ нынѣшній языкъ Руской съ тѣмъ, каковымъ писаны Законы извѣстные подъ именемъ Ярославовыхъ. Что въ нынѣшнемъ нашемъ языкѣ осталося много такихъ словъ, кои не *мнимо*, но точно произходятъ отъ Сарматскихъ, то доказывается сходствомъ оныхъ словъ съ словами нарѣчій сказанныхъ народовъ, и одинакимъ или близкимъ ихъ на тѣхъ нарѣчіяхъ значеніемъ. Я не имѣю у себя другихъ словарей нарѣчій Сарматскихъ кромѣ Финскаго, Шведскаго и Венгерскаго, изъ коихъ приискавъ по нѣскольку словъ, сколько краткость времени и скучность таковаго упражненія мнѣ дозволила, при семъ представляю.

Слова Финскïе:

Caka. Значитъ тожъ что у насъ въ нарѣчïи дѣтскомъ, кака.

Calkuna. Индѣйка. И у насъ въ нѣкоторыхъ провинцïяхъ индѣйку Калкуномъ называютъ.

Cassara. Садовничья коса.

Kissa. Кошка. По нынѣ мы, лаская кошку, называемъ киска, и маня къ себѣ говоримъ: кисъ, кисъ.

Led. Зло, худо. Отъ того слово, лядъ.

Mera. Лошадь, кляча. Отъ того наше слово, меринъ.

Nena. Носъ. Въ простонародïи говорятъ: нюни разбить, разквасить, сирѣчь по носу кулакомъ ударить.

Pasma. Небольшой мотокъ нитокъ. У насъ называютъ пасмомъ нѣкоторое опредѣленное количество нитокъ въ моткѣ.

Palika. Палка.

Pahto. Ссѣвшееся огустѣвшее молоко. Отъ того, пахтанье, пахтаю.

Purako. Сосудъ изъ древесной коры. Отъ того, буракъ.

Raadi. Судïя. Отъ того глаголъ, ряжу, сирѣчь сужу.

Silki. Отъ того наше слово, шелкъ, которое тожъ значитъ что и Silki.

Sloecht. Родство, свойство. Отъ того произходитъ, шляхтичь; подобно какъ Французскихъ Перовъ произошло названïе отъ слова pair, чепа, товарищъ.

Tina. Тожъ значитъ что по Руски, тина.

Walaka. Меринъ. Въ Малороссïи, валакъ, значитъ кладеный баранъ.

Wari. Горячая вода, которую и по Руски называютъ варъ.

Wersta. Уравненïе, сравненïе, оцѣнка вещи. Отъ того глаголъ, верстаю. Въ пѣсняхъ поютъ: Неровня мнѣ не подъ версту. Можно бы слово сïе употребить вмѣсто Французскаго слова valeur, котораго въ нынѣшнемъ языкѣ Рускомъ недостаетъ.

Wyoery. Водоворотъ, пучина. Въ Малороссïи и доднесь водоворотъ называютъ, виръ.

Ruskia. Русой, рыжïй.

Tumma. Темный, мрачный. Вѣроятно, что слово туманъ отъ сего произходитъ.

Waras. Татъ. Являетъ нашего слова, воръ, единое произхожденïе.

Tuuli. Вѣтръ. Глаголъ нашъ, притулиться, сирѣчь отъ вѣтра, отъ непогоди защищаться,

закрыться чемъ; ежели не произвести отъ сего слова, то едва ли другой корень сыскать ему можемъ.

Tawara. Сокровище, казна. Явственно убо есть что наше слово, товаръ, занято отъ него.

Taraka. Тожъ значитъ что по Русски тараканъ.

Sirka. Сверчокъ. Глаголъ, чиркаю, безъ сумнѣнія отъ сего слова произходитъ, тѣмъ паче, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ въ Россіи сверчка, чиркунъ называютъ.

Другіе Финскіе слова, бывшіе въ древнемъ Русскомъ языкѣ, покажу послѣ въ отвѣтѣ на второе вопрошеніе: слѣдуютъ

Слова Шведскіе:

Bessman. Вѣсы. Отъ того, безмѣнъ.

Blek. Блѣдный. Отъ него слова: блекну, блеклый, говоря о цвѣтахъ и краскахъ.

God. Хорошій, благій. Отъ того, годный, годится, и проч.

Grus. Тяжесть полагаемая на водоходныхъ судахъ, грузъ.

Scrijn. Сундучокъ, коробочка. Отъ того произходитъ, скрынка.

Pasman. По Шведски тожъ что по Фински pasma, а по Руски пасмъ.

Râd. Совѣтъ, дума. См. выше Финское слово Raadi. Râdman, по Шведски значитъ Сенаторъ.

Cräfta. Родъ небольшихъ раковъ.

Skakade. Движенїе, колебанїе, качанїе. Отъ того глаголъ нашъ, скачу.

Skal. Корка древесная. И по нынѣ бересту называемъ скалою.

Sky. Облака. Изображая темноту ночи, говоримъ мы: такъ темно, что зги не видать. Трудно сыскать другаго корня слову, зга, ежели не произвесть его отъ сего Шведскаго слова, да и сходно оно съ тѣмъ смысломъ, которой мы означить чрезъ него желаемъ, ибо, въ самой вещи, когда облаковъ не видно, тогда на земли никакїе уже предмѣты зримы быть не могутъ.

Skylas. Тотъ, который по горсти, по колоску сбираетъ. Можетъ быть простонародное наше слово, скиляга, отъ того произходитъ, ибо смыслъ является сходенъ.

Слова Венгерскїе:

Bot. Палка, жердь. Глаголъ нашъ, ботаю, и орудїе, коимъ дѣйствїе сїе производится, ботъ, имѣютъ здѣсь свой корень.

Kutya, а уменьшительное Kutyatska, значитъ собака. У насъ въ просторѣчіи и по нынѣ щенятъ называютъ кутяшками.

Kurva. Тожъ значитъ, что и по Руски, курва.

Balvani. Идолъ, болванъ.

Barany. Ягненокъ. Отъ того, баранъ. Bika, быкъ.

Bator. Смѣлый, отважный. Отъ того старинное наше слово, батырь, сирѣчь наѣздникъ.

Buja. Своевольный, необузданный, неукротимый. Въ Польскомъ языкѣ осталось слово сіе въ вящшемъ употребленіи нежель у насъ; у нихъ говорится: Kon buia, сирѣчь резвится, по волѣ своей бѣгаетъ. Однакожъ и у насъ говорятъ: буйной вѣтеръ, и въ простонародныхъ пѣсняхъ: буйная головушка, и проч.

Deák. Ученый, или умѣющій грамотѣ; ибо въ старину, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, почитали за ученыхъ тѣхъ, кои грамотѣ умѣли. Отъ того наше слово, Дїякъ, которое съ перьвоначалія писывали Деякъ.

Gat. Насыпь, валъ.

Ebed. Обѣдъ.

Gereben. Гребень.

Gereblye. Грабли.

Hazang. Начальникъ дома. Отъ того, хозяинъ.

Hollo. Галка.

Kabala. Кобыла.

Kalatz. Калачь.

Oszlop. Подпора, подставка. Отъ того наше слово, ослопъ, которое и поднесь близкой смыслъ имѣетъ.

Paltza. Палица, палка; уменшит: paltzatzka, палочка.

Petset. Печать.

Ponyva. Вретище, посконина; отъ того, понява, извѣстная крестьянокъ нашихъ одежда въ нѣкоторыхъ уѣздахъ.

Sip. Тростъ, камышь. Отъ того, сиповка, ибо изъ камыша ихъ дѣлали.

Testza. Тѣсто.

Titkos. Тайный, сокровенный. Titok. Тайна. Вѣроятно, что частей тѣла, кои мы титьками называемъ, названіе произошло отъ сего слова, понеже всегда ихъ содержали покровенными.

Villa. Вилы.

Vitez. Воинъ, ратникъ. Отъ того и наше слово Витязь.

Veder. Ведро, водоносъ.

Множество словъ Венгерскихъ въ Рускомъ языкѣ, по нынѣ существующихъ, являютъ,

что Угры и Команы въ древности жили съ Руссами въ сосѣдствѣ, и языкъ имѣли сходной, прежде нежели они по разнымъ сторонамъ разошлися. Сїе обстоятельство придаетъ много ясности къ открытїю родоначалїя и первобытнаго обиталища Руссовъ, что я мимоходомъ замѣчаю. Славянскихъ словъ въ Венгерскомъ языкѣ не меньше сколь и Венгерскихъ въ Рускомъ, но то отнюдь не дивно, ибо они сколько вѣковъ жили вмѣстѣ съ Славянскими племенами, и прежде еще отшествїя своего отъ Кавкаскихъ и по преселенїи уже на тѣ мѣста, гдѣ они нынѣ живутъ; но какъ бы могли древнїе Руссы изъ языка ихъ столько взять словъ, естьлибъ и они также не жили съ ними вкупѣ въ первобытномъ ихъ обиталищѣ, ибо по прешествїи Венгровъ за горы Карпатскїя, не имѣли уже Руссы съ ними такого сообщенїя, чтобъ занятїе оныхъ къ сему времени отнести было можно.

Оставя реченїя языка, сколько имѣемъ мы названїй рѣкъ, городовъ и урочищъ, кохъ значенїя ни гдѣ отъискать не можемъ какъ въ нарѣчїяхъ отъ языка Сарматскаго произходящихъ, что доказываетъ языка онаго

во всей Россіи всеобщее употребленіе. Во свидѣтельство сего приведу я нѣсколько примѣровъ, кои могъ я на теперешній случай привесть себѣ на память. 1) Названіе озера Ладожскаго, которое въ старину Нево называлося, произходитъ отъ слова Финскаго Newa, значущаго морской заливъ или губа. МоремЪ называли его и Славяне, въ разсужденіи величины его, какъ въ Несторѣ во многихъ мѣстахъ стоитъ. 2) Извѣстное село Валдаи имѣетъ корень названія своего въ словѣ walda, что значитъ по Фински, могущество, власть. 3) Рѣка Малороссій-ская Сула, значитъ по Фински, текучая. 4) ГородЪ Малороссійскій Сумы, являетъ названіемъ своимъ, что былъ онъ нѣкогда обиталищемъ Сарматъ, ибо Фины и доднесь землю свою имянуютъ Suomi. 5) ГородЪ Верея, отъ Финскаго слова waraeja, значущаго заключенные врата. 6) Названіе города КолмогорЪ, составлено изъ двухъ словъ, Сарматскаго и Славянскаго: colme значитъ, три. 7) Города Галича имя произошло отъ слова Шведскаго Hallitzen, правительствую, управляю: Hallitzia, правитель, начальствующій надъ областію. 8) Рѣка ПрутЪ, озна-

чаетъ на Шведскомъ, попеченїе, забота, безпокойство. 9) Бывшаго города Родни, о которомъ не однократно въ лѣтописяхъ поминается, названїе на Сарматскомъ значитъ, красный, ибо и по нынѣ въ Финскомъ rodna, цвѣтъ красныя краски означаетъ. 10) Названїе рѣки Кумы, значитъ на томъ же языкѣ, горячїй; а рѣки Стыра, руль или кормило.

На 2) что въ Новѣгородѣ и въ Кїевѣ въ началѣ Россїйскїя Монархїи Сарматской языкъ былъ во употребленїи, кажется и сумнѣваться о томъ читавшему лѣтописи не можно. Какимъ языкомъ Руссы говорили прежде нежель уклонилися они на Сѣверъ, и одноплеменны-ль они были съ тѣми Сарматскими племенами, которые на Югѣ и Востокѣ нынѣшнїя Россїи жили, въ разсмотрѣнїе входить настоящая предлежность меня увольняетъ. Довольнымъ на сей случай мню сказать, что Руссы, преселяся въ Сѣверъ, многїе вѣки въ предѣлахъ Новгородскихъ жили прежде нежель Исторїя наша начинается, и что нарѣчїе употребляли одинакое или сходное съ племенами имъ сосѣдними, каковы суть Чудь, Кривичи

и другїе, которое ежель не съ собою они принесли, то безъ сумнѣнїя навыкли оному отъ нихъ, живучи толико вѣковъ съ ними вмѣстѣ. А что сїи окружавшїе ихъ племена были отъ Сармашскаго сонма, и говорили однимъ или сходнымъ языкомъ съ оставшимися на Югѣ и Востокѣ Сарматскими поколѣнїями, на то въ лѣтописяхъ нашихъ ясные есть къ вѣроятїю слѣды; а къ томужъ и въ нарѣчїяхъ ихъ потомковъ, по нынѣ существующихъ, являются довольные признаки единаго и общаго ихъ произхожденїя. Венеты или Венды, завладѣвъ обими берегами залива Финляндскаго, всѣ племена жившїе по онымъ себѣ покорили, по чему и Финляндїя въ старину Венетїею называлася, но или не полюбилася имъ тамошняя сторона или по другимъ какимъ причинамъ, оставя они ее, на Ильменѣ озерѣ и по Волхову жилища свои основали, по чему и доднесь Фины называютъ Россїю Wenaeja, а Рускаго человѣка Wenalaeienen, съ того самаго времени какъ Венды или Венеты въ Новѣгородѣ поселилися. Руссы вытѣсненные ими съ сихъ мѣстъ, принуждены были уклониться къ своимъ сосѣдямъ

Варягамъ, и поселясь между ними смѣшалися съ ними, по чему и стали называть ихъ Варягоруссами, въ отличїе отъ тѣхъ Варяговъ и Руссовъ, кои были не смѣшаны. Чрезъ сїе сожитїе и частїю смѣшенїе, въ теченїи нѣсколькихъ вѣковъ, языкъ Руской съ Варяжскимъ и болѣе сдѣлался сходенъ, естьли и разнствовалъ съ нимъ прежде.

Не иное что, мню, какъ сїе крайнее сходство языка, и можетъ быть нравовъ и обычаевъ между Варягъ и Руссовъ, заставило и Нестора признать оба сїи народа за одинъ, о чемъ изъ словъ его во многихъ мѣстахъ заключить можно. На примѣръ, говоря онъ о природѣ Игоря послами Греческими къ присягѣ, въ слѣдствїе заключеннаго между Рускою землею и Греческимъ царствомъ мирнаго постановленїя, сказываетъ, что Игорь ходилъ къ ротѣ, и „елико поганыхъ въ Руси; и непосредственно „послѣ говоритъ:„ мнози бо бѣша Варязи Христїане; ясно дая тѣмъ знать, что Русь и Варяги суть одинъ народъ. Сѣверные Писатели также Варягъ, Русь и Чудь признавали за одинъ народъ, на тѣхъ же, можетъ быть, основываясь причинахъ. Сїе однакожъ

не опровергаетъ моего мнѣнїя, предложеннаго въ Примѣчанїяхъ моихъ на Леклерка, что начальное произхожденїе Рускихъ неизвѣстно, а только даетъ знать, что долговремянное сожитїе и смѣшенїе Руссовъ съ Варяги учинило нарѣчїя ихъ и нравы сходными, такъ что они за одинъ уже народъ признавалися.

Славяне поселившїеся на Ильменѣ, и подчинившїе владычеству своему окрестные Сармапскїе племена, заставили ихъ по нуждѣ говорить своимъ языкомъ; однакожъ безъ сумнѣнїя Русь, Чудь и Кривичи, подвластные имъ, не успѣли еще до Рурика вовсе позабыть природнаго своего нарѣчїя; тѣмъ паче живучи въ сосѣдствѣ съ Варягами, кои особливую область составляли, и особенныхъ Князей имѣли, хотя иногда и платили дань Славянамъ, а иногда и сами ее съ нихъ брали, по благопрїятству щастїя тѣмъ или другимъ въ ратоборствѣ.

По пресѣченїи рода Князей Славянскихъ и по избранїи Славянами Рурика съ братьями на княженїе себѣ, паки Рускої языкъ сдѣлался преимущественнымъ въ княжествѣ Новгородскомъ, по тому что Рурикъ, будучи самъ отъ Рускаго рода, болѣе Рускихъ

и ВаряѢъ уважалъ, нежели СлавянЪ, тѣмъ болѣе, что сіи явно оказалися ему недоброжелательствующими. На все сіе обрѣтаются въ Несторѣ ясные свидѣтельства, а именно, что РурикЪ отправясь, по приглашенію СлавянЪ, въ ихЪ область, всѣхЪ Рускихъ взялъ съ собою, то есть тѣхЪ, кои между ВарягЪ жили; что получилъ самодержавіе противъ воли СлавянЪ, вспомоществуемъ будучи въ исполненіи намѣренія своего усердіемъ РускихЪ и противоборствующихЪ ему СлавянЪ, у коихЪ предводителемъ былъ ВадимЪ, побѣдя казнилъ; что по всѣмъ городамъ поставилъ РускихЪ начальниковъ и ввелъ Рускіе войска, чтобЪ СлавянЪ содержать въ уѣздѣ; и что отъ самаго того времени вся страна сія называться стала Русью, понеже Рускій народЪ сталъ быть господствующимъ, а пришельцы Славяне учинились подданными.

Долго Славяне терпѣли нѣкоторое униженіе себѣ передъ Рускими, пока Ольга, бывъ отъ рода Князей СлавянскихЪ, паки ихЪ въ чины и достоинства возводить стала, и тѣмъ ихЪ съ Рускими сравнила. ОднакожЪ и при Игорѣ почти всѣ вельможи были Ру-

скïе, что можно заключить изъ посланныхъ въ посольствѣ ко Грекамъ, въ числѣ коихъ ни одного Славянина не было, а всѣ Рускïе, слѣдственно естьли и употребляли они языкъ Славянскïй, но безъ сумнѣнïя и свой природной разумѣли. И по не меньше всемѣстное употребленïе языка Сармапскаго въ началѣ Монархïи Руской показуетъ, что почти всѣхъ боговъ имена, коимъ Владимиръ въ Кïевѣ капища и служенïе учредилъ, никакого значенïя на Славянскомъ не имѣютъ, и ни одного изъ тѣхъ боговъ, коихъ Славяне обитавшïе по другимъ мѣстамъ чтили, каковы суть Бѣлбугъ, Чернбугъ, Сѣвана и проч: въ числѣ сказанныхъ Несторомъ не показано.

Показавъ доводы о употребленïи Сармапскаго или Рускаго языка при Рурикѣ въ Новѣгородѣ, обратимся теперь къ Кïеву. Что первобытные сея страны жители были Сармапы, о томъ ни кто не сумнѣвается. Славяне, пришедши съ Дуная и поселившися на брегахъ Днепра, большую часть племенъ ихъ власти своей подчинили или данниками учинили, и долгое время тутъ жили подъ именемъ Горянъ и Полянъ, пока Осколдъ, пришедъ изъ Новагорода съ Руссы и Варяги,

взялъ Кїевъ и остался въ немъ княжити. Въ скоромъ времени потомъ Олегъ, съ великимъ войскомъ составленнымъ изъ Варягъ, Руссовъ, Славянъ, Мери и Кривичей, отправился изъ Новагорода, и прежде взялъ Смоленскъ, потомъ слѣдуя въ низъ по Днепру всѣ племена Сармацскїе и Славянскїе, по берегамъ его жившїе покорилъ, и наконецъ пришедъ къ Кїеву, княжившаго въ немъ Осколда обманомъ вызвавъ къ себѣ, убилъ, и овладѣвъ городомъ и всею его областїю безъ сопротивленїя, учинился всея тамошнїя страны обладателемъ. Съ того времени и Кїевское княженїе стало называться Русью, яко Рускому Государю подвластное и Рускими начальниками управляемое; по чему основательно можно заключить, что и языкъ Руской въ вящшемъ былъ употребленіи нежели Славянской.

И такъ, по всѣмъ прописаннымъ обстоятельствамъ достовѣрно быть является, что оба сїи языки долгое время были въ общемъ употребленїи, и что и Руссы и Славяне оба разумѣли, какъ и до нынѣ въ Олонцѣ всѣ Рускїе умѣютъ говорить по Корельски и всѣ Корелы по Руски. Послѣ

видится, что языкъ Славянскїй въ вящшемъ сдѣлался употребленїи между вельможъ и людей почетныхъ, по тому что при Владимирѣ и книги церьковныя съ Греческаго языка на него переведены, слѣдственно и всѣ писменные дѣла вели, также судъ и расправу отправляли на немъ. Съ того времени началъ языкъ Славянскїй усиливаться, а Руской мало по малу уничпожаться; однакожъ и по Владимирѣ долгое время еще между чернїю, яко сословїи многочисленнѣйшемъ, былъ въ общемъ употребленїи; что заключить можно изъ повѣствованїя Несторова, который описывая послѣдственные дѣянїя, вездѣ Руссовъ отъ Славянъ отдѣляетъ, яко: „въ лѣто 1018., пойде Болеславъ со „Святополкомъ на Ярослава съ Ляхи, Яро„славъ же множество совокупи Руси, Ва„рягъ, Славянъ, и пойде противу.„ Доказательно, что Славяне и Руссы не были еще соединены во единъ народъ, и говорили языками разными.

Вѣроятно, что и при Несторѣ языкъ Сарматскїй былъ еще между племенами Сарматскими, разумѣя въ томъ числѣ и Руссовъ, во употребленїи, хотя частїю и

помѣшанъ уже былъ съ Славянскимъ. Несторъ писалъ тѣмъ языкомъ, который былъ господствующимъ, и на которомъ всякїе письменные дѣла отправляли, сирѣчь испорченнымъ Славянскимъ; однакожъ и въ немъ много было примѣчено словъ Сарматскихъ или Рускихъ, которые сдѣлалися намъ нынѣ невразумительными, и значенїя ихъ безъ помощи нынѣ существующихъ наречїй Сарматскихъ, понимать мы не можемъ. Во свидѣтельство чего выпишу я нѣсколько словъ такихъ; на примѣръ у Нестора написано: 1) „Слуги Игоревы и Нетїи Игоревы;„ смысла слова, Нетїй, не могли бы мы никакъ добраться, ежели бы не осталося оное въ Шведскомъ и Финскомъ языкахъ, на первомъ naett значитъ: избранный, изящный, а на послѣднемъ naeetti, способный, полезный, благопрїятный. 2) „Устави на дворѣ своемъ въ „гридницѣ пиръ творити Боярамъ.„ По Шведски greedar значитъ: поваръ, приспѣшникъ, а gryta, котелъ, горшокъ; а по тому и явственно будетъ, что Владимиръ приказалъ въ поварнѣ своей для Бояръ кушанья приготовлять. 3) Vero, по Фински значитъ: подать, поборъ; вѣроятно, что на-

званїе Вирьникъ отъ того произходитъ, сирѣчь собиратель податей. 4) „И начаша „скотъ брати, и приведоша Варяги, и вдаша „имъ скотъ.„ Еще: „Владимиръ раздавалъ „бѣднымъ отъ скотницъ своихъ кунами „ Scatt, по Шведски значитъ: казна и подать; чѣмъ совершенно оба слова сїи объясняются. Легко могло статься, что по нѣсколькихъ вѣкахъ, когда слово сїе изъ употребленїя вышло, переписчикъ Несторовой лѣтописи, не разумѣя словъ, скатъ и скатница, почелъ ихъ ошибкою писца, и написалъ, скотъ и скотница, думая поправить, болѣе смыслъ учинилъ невразумительнымъ. 5) Въ Прологахъ, въ Патерикѣ и Никоновской лѣтописи употребляются слова: вотоляна свитка, говоря объ одеждѣ отшельниковъ и монаховъ, а по Фински wuota значитъ, невыдѣланная кожа: безъ помощи сего слова не могли бы мы уразумѣть, что одежда монашеская дѣлана была изъ невыдѣланныхъ кожъ. 6) Помѣщики издревле брали съ своихъ поддан-ныхъ поборъ съ новобрачныхъ, которой называли куною, что и до нынѣ въ нѣкоторыхъ провинцїяхъ не вышло еще изъ употребленїя; по Фински cunnia значитъ, честь,

доброе имя. Вѣроятно, что слово, куна, имѣетъ корнемъ своимъ оное Финское слово, которое объясняетъ и причину, для чего установлено было брать сказанной поборъ съ новобрачныхъ. Сїе подаетъ поводъ къ заключенїю, что и у насъ въ старину было во употребленїи право извѣстное въ нѣкоторыхъ государствахъ Европейскихъ подъ названїемъ Gullagium, о которомъ писалъ я въ Примѣчанїяхъ моихъ на Леклерка, Т. II. стран. 238 и 278.

Языки также какъ и народы образуются вѣками, на что много примѣровъ Исторїя намъ представляетъ. Галлы и Ишпанцы имѣли собственные языки; Римляне тѣхъ и другихъ порабоiя, заставили ихъ по неволѣ учиться языку Латинскому; послѣ мѣсто Римлянъ заступили другїе народы, яко Франки, Готы, Вандалы, Мавры, и ввели свои языки; а отъ смѣшенїя сихъ языковъ произошли совсемъ новые нарѣчїя, каковы суть нынѣ Французской и Ишпанской. Сравнивая древнихъ Руссовъ, Чудь и Кривичей съ Галлами и Ишпанцами, а Славянъ съ Римлянами, найдемъ тѣжъ послѣдствїя. Славяне совокупившїеся съ Рус-

сами, Чудью, Кривичами и другими Сармацскими племенами во единъ сонмъ, во едино тѣло, чрезъ нѣсколько вѣковъ составили изъ себя новый народъ, отъ обоихъ нѣчто заимствующій, но ничего общаго ни съ тѣмъ ни съ другимъ не имѣющій; внѣшнїе токмо знаки отъ климата зависящїе, яко русость волосовъ и бѣлизна кожи, остались намъ общими съ Сарматскими племенами, по сожительству съ нимъ подъ одинакимъ климатомъ; а нарѣчїе ближайшее къ Славянскому, по употребленїю языка сего въ церьковныхъ книгахъ. Сколько есть словъ Галльскихъ въ языкѣ Французскомъ и Иверскихъ въ Кастильскомъ, столькожъ есть и въ нынѣшнемъ Рускомъ того языка Рускаго, коимъ говорили до пришествїя Славянъ въ Россїю. Безмѣстно спросить, былъ ли во употребленїи Галльскїй языкъ при Кловисѣ I., а еще безмѣстнѣе, былъ ли Руской во употребленїи при Рурикѣ или при Игорѣ; ибо премногїе въ Исторїи находятся доказательства, что во Францїи, чрезъ все продолженїе Меровейскаго поколѣнїя, Галлы отъ Франковъ отдѣлялися и языкомъ и нравами, равно какъ и по нашествїи

на Россїю СлавянЪ многїе вѣки протекли прежде нежель сїи народы сдѣлались однимЪ.

На 3) НѣтЪ кажется нужды, опровергая названїе, голова умная, дѣлать розЪисканїя о предлагаемомЪ, сирѣчь градомудрїе или ратоборство вЪ предпочтенїи имѣли древнїе Руссы, ибо неоспоримо есть, что для того и для другаго, то есть и для управленїя государственнаго и для предводительства войскЪ, во всякое время были и всегда будутЪ потребны умныя головы. ПоложимЪ, что КнязЬ ЩербатовЪ, яко искуснѣйшїй вЪ РоссїйскоЙ Исторїи, докажетЪ, что тогда военныя добродѣтели предпочиталися знанїю внутренняго управленїя или градомудрїя, но изЪ того не извлечетЪ отнюдь доказательства, чтобЪ ярые вЪ бою предпочиталися тогда умнымЪ головамЪ; понеже первые могли быть годны и полезны только вЪ военное время, и то при умныхЪ головахЪ и подЪ ихЪ предводительствомЪ, а послѣднїе и вЪ мирное время и вЪ военное, и безЪ нихЪ и сЪ ними.

Но всѣ сїи побочные пренїя оставя, надобно, чтобЪ КнязЬ ЩербатовЪ, вЪ подпору своего словопроизводства, доказалЪ прежде,

что слово БояринЪ есть точно Славянское, а потомЪ бы ужЪ изЪяснилЪ его смыслЪ; но понеже болѣе есть поводовЪ кЪ заключенїю, что оно есть Сарматское, по тому что у СлавянЪ ни гдѣ названїя сего не было и нѣтЪ, слѣдственно и искать его корня должно вЪ нарѣчїяхЪ отЪ языка Сарматскаго произходящихЪ. Должность, которую Бояре вЪ древности отправляли, изЪявляетЪ, что они не вЪ однихЪ военныхЪ дѣлахЪ упражнялися, но не меньше и во внутреннемЪ государства управленїи. Послы Олеговы тако ЦарямЪ ГреческимЪ говорили: „Мы отЪ рода Рускаго посланнїи отЪ Олега „Великаго Князя Рускаго, и отЪ всѣхЪ, иже „подЪ рукою его свѣтлыхЪ и ВеликихЪ Кня„зей и его великихЪ БоярЪ.„ Явственно есть, что они, составляя верховный совѣтЪ, раздѣляли сЪ ВеликимЪ КняземЪ бремя государственнаго правленїя вЪ мирное, и начальствовали войсками вЪ военное время.

Можно бы вЪ нарѣчїяхЪ СарматскихЪ приискать множество словЪ кЪ составленїю слова БояринЪ, естьли бы имѣлися у насЪ всѣхЪ оныхЪ нарѣчїй Словари, однакожЪ и вЪ одномЪ ФинскомЪ сыскалЪ я довольно

такихъ, коихъ выговоръ съ онымъ сходенъ, а изъ всѣхъ кажутся мнѣ ближайшими сіи два слова: раіja, значущее отмѣнный, отличный, и jaerki, разумъ, разсудокъ; и такъ названіе Бояринъ будетъ означать человѣка имѣющаго отличный умъ. По Венгерски biro значитъ судья, начальникъ. Я не представляю словопроизводство мое достовѣрнымъ, по крайней мѣрѣ не меньше сходнымъ и вѣроятнымъ изобрѣтеннаго Княземъ Щербатовымъ и другими, тѣмъ паче, что корень его приисканъ въ нарѣчіи такого языка, которымъ говорили въ то время еще, когда слово Бояринъ сдѣлано и во употребленіе введено.

§ XIX.

Въ удивленіе привели Князя Щербатова слова мои, въ Примѣчаніяхъ моихъ на Леклерка Т. II. стран. 463, гдѣ я между прочимъ сказалъ, что во время царствованія Государя Петра Великаго въ придворныхъ конюхахъ были по большой части Дворяне и дѣти Боярскіе Поставляетъ онъ то мнѣ въ превеликую ошибку, и доказательства на то приводитъ многіе; однакожъ

не столь убѣдительные, чтобъ заставили меня имъ повѣрить, тѣмъ болѣе въ противность достовѣрности, которую я всегда основанїемъ моимъ имѣлъ во всемъ томъ, что я писалъ въ возраженїе на Леклерка. Посмотримъ прежде его уликъ на мою ошибку, а потомъ представимъ и возраженїя на нихъ. Князь Щербатовъ говоритъ утвердительно: „что Дворяне и дѣти Бо„ярскїе, которые тѣжъ благородные были, „въ конюхахъ никогда не бывали;„ и доказываетъ слѣдующимъ: 1) Что изъ Десятинныхъ книгъ, разныхъ городовъ съ окладами, ни гдѣ онъ не нашелъ, что бы о какомъ Дворянинѣ въ числѣ конюховъ упоминалось. 2) „Что Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь, изтребивъ случайныя книги, повелѣлъ сочинить родословныя книги, и въ указѣ 1682 года Генваря 12 дня, сказавъ о знатныхъ родахъ и о бывшихъ употребленныхъ къ важнымъ дѣламъ говоритъ: а которые въ вышеписанныхъ честныхъ и знатныхъ чинахъ не были, а въ десятнѣхъ написаны въ средней и меньшей статьяхъ, и тѣхъ написати въ особую книгу.... Все сїе ни мало не значитъ конюховъ; а естьли бы подлинно

конюхи были изъ Дворянъ, то бы сей Государь соблаговолилъ и объ оныхъ особливо упомянуть.„ 3) Что имѣя онъ чинъ Геролдмейстера, исполнялъ сію должность въ теченіи болѣе шести лѣтъ, но не встрѣтилось съ нимъ ни единожды, что бы кто, выводя своего рода линію, упомянулъ, что предокъ его былъ въ конюхахъ.

Прежде нежели приступлю я къ отвѣту на оныя улики, надобно мнѣ сказать о произхожденіи названія Дворянинъ и о значеніи сего слова первобытномъ и послѣдственномъ, что послужитъ къ предварительному уясненію моего отвѣта. Первоначальное наше Дворянство, разумѣя слово сіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно нынѣ пріемлется, были Бояре: они то были у насъ, что въ Римѣ Патриціи, во всемъ пространствѣ сихъ могущества и знаменитости. Нетіи были подъ Боярами, составляя вторую степень шляхетства, но ихъ названіе въ скоромъ времени уничтожилося. По нихъ видимъ мы Гридней или Гридбу, кои не иное что были, какъ то, что послѣ подъ названіемъ Дворянъ разумѣть стали, когда Славянскаго языка преимущественное

употребленїе заставило позабыть всѣ слова Сарматскаго или древняго Рускаго нарѣчїя. Еще упоминаются въ лѣтописяхъ Дѣтскїе и Пасынки, но сїи болѣе относятся къ степенямъ чиновъ, нежели къ степенямъ родовыхъ достоинствъ: первые, судя по ихъ служенїю, сходствовали съ Французскими Ecuyers, а послѣднїе съ называемыми у нихъ Taupins, о коихъ говорилъ я въ Примѣчанїяхъ моихъ на Леклерка Т. II. § CLXXIX.

Названїе *Дворянина* произошло отъ слова дворъ. Всѣ тѣ, кои при *Дворѣ* Великихъ и мѣстныхъ Князей въ разныхъ служенїяхъ состояли, назывались *Дворяне*, яко у Римлянъ Domestici. Они исправляли всѣ должности относительныя ко услугѣ своего Князя, кромѣ подлыхъ работъ и исправленїй, которыя были удѣломъ рабовъ, а сїи не другїе были какъ плѣнники. Онижъ и стражу его составляли, и во время военное всегда были при немъ неотлучно, охраняя и защищая его особу. Въ первой разъ по лѣтописямъ нашимъ упоминаются *Дворяне* подъ лѣтомъ 1192: „Ярославъ „же сѣде самъ во Псковѣ, а *Дворъ* свой посла „со Псковичи воевати на Чудь;„ и послѣ того Гридни уже не воспоминаются.

Bayerische Staatsbibliothek

Права БоярЪ и ДворянЪ въ древности весьма были пространны, что изЪ многихЪ мѣстЪ лѣтописей нашихЪ открывается; и хотя послѣдовавшїя перемѣны въ правленїи, подЪ ТатарскимЪ игомЪ, во многомЪ ихЪ измѣнили, однакожЪ и послѣ уничтоженїя оныхЪ власти видимЪ пользующихся ихЪ тѣми въ полной силѣ. СлѢды ихЪ правЪ и преимуществЪ частїю изЪ Судебника, указовЪ Царя Ивана Васильевича, и даже изЪ Уложенья примѣтить можно; хотя при послѣднихЪ ВеликихЪ КнязьяхЪ, а паче въ царствованїе Ивана Васильевича и во многомЪ уже оные, по разнымЪ случаямЪ, низпали и повредилися. Предлежность сїя весьма любопытна, а по тому и достойнабЪ была обстоятельнѣйшаго розЪисканїя, но я опасаясь зайти далѣе предѣловЪ настоящїя потребности, сокращаю о томЪ мое слово.

Надобно также сказать и о произхожденїи ДѢтей БоярскихЪ, прежде пока дойдетЪ дѣло говорить о различныхЪ степеняхЪ нашего Дворянства. ДѢти Боярскїе не иное что сЪ первоначалїя были, какЪ родЪ ратныхЪ людей, набранныхЪ Боярами, чтобЪ въ походахЪ и на сраженїяхЪ, неоплучно

при нихъ будучи, составляли ихъ стражу, и охраняли ихъ особу, отъ чего и названіе Дѣтей ихъ получили. Они, относительно до ратоборства, тужъ должность при нихъ отправляли, что Дворяне при особахъ Великихъ Князей въ военное время. Когда они заведены, точнаго времени назначить не можно, однакожъ достовѣрно, что гораздо прежде времени Царя Ивана Васильевича, и думать надобно, что они заступили мѣста Пасынковъ. Имъ даны были помѣстья, вмѣсто жалованья, а тѣмъ самымъ и сравнены они быть стали съ мѣлкимъ Дворянствомъ, и въ слѣдствіе того часто въ Розрядныхъ книгахъ тогдашнихъ временъ, въ Судебникѣ и въ Уложеньѣ подъ именемъ Дворянъ разумѣются; а послѣ того вскорѣ вовсе названіе ихъ изчезло и всѣ они Дворянами называться стали.

Когда многіе Княжества, а наконецъ при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ и всѣ совокупилися подъ единодержавіе, и бывшіе въ тѣхъ Княжествахъ Дворяне вошли въ службу единаго Государя, а по многочислію ихъ не могли всѣ помѣщены быть въ служеніе при Дворѣ; тогда лучшіе изъ нихъ

вошли въ сословїе Дворянъ Московскихъ, и остались при первоначальномъ служенїи, а прочїе мѣлкопомѣстные токмо при ратной службѣ, и смѣшались по помѣстьямъ съ Дѣтьми Боярскими. Тѣ и другїе стали составлять родъ войска, но войска первостепеннаго въ государствѣ, каковы были Всадники въ Римѣ.

При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ потрясліись всѣ коренные постановленїя Дворянства; всѣ права и преимущества древнихъ породъ Княжескихъ и Боярскихъ уничтожилися; понеже при правленїи Деспотическомъ оные существовать не могутъ. Многїе Князья и Бояра, лишенные родовыхъ своихъ владѣнїй, принуждены были за приобрѣтенїе себѣ считать, что могли войти въ сословїе Дѣтей Боярскихъ. Въ Дворянство древнее и коренное примѣшалося тьма новаго, по разнымъ случаямъ и способамъ. 1) Когда княжескїе удѣлы начали одинъ по одному присовокупляться къ великому княжеству Московскому, тогда опредѣляемые во оные отъ Великихъ Князей Намѣстники, управляя ими съ равномѣрною властїю яко и Князья, присвоили себѣ и всѣ ихъ права, а между про-

чими и сїе, что стали жаловать въ Дворяне; на нихъ взирая и Воеводы, будучи подобноюжъ властїю облеченные, тожъ дѣлать стали. Татищевъ въ примѣчанїяхъ своихъ на Судебникъ пишетъ, что Воеводы до того злоупотребленїе власти своей распространили, что не только въ Дворяне и Дѣти Боярскїе, но и въ Князья жаловали. Въ Сибирѣ и въ настоящїй вѣкъ Воеводы жаловали въ Дворяне, да и поднесь закономъ власть сїя отъ нихъ не отнята; но нынѣшнїе Воеводами жалованные Дворяне не входятъ уже въ сословїе дѣйствительныхъ Дворянъ, по обстоятельствамъ временемъ измѣненныхъ, а считаются за чинъ. 2) Не меньше вошло въ сословїе Дворянъ изъ всякихъ званїй людей, имѣвшихъ достаткомъ, чрезъ покупку себѣ изъ казны земель порожнихъ въ вотчины, въ слѣдствїе указа сего Государя 1574 года, которымъ дозволялося оныя покупать всякимъ людямъ безъ изъятїя. Они, покупивъ тѣ земли, заселили ихъ крестьянами, что имъ и удобно было дѣлать по тогдашней вольности крестьянъ, и сдѣлалися вотчинниками равными тѣмъ, кои отъ предковъ своихъ наслѣдственно вот-

чины имѣли. Сколько изъ служащихъ въ Опришныхъ, въ кои всѣмъ удальцамъ и головорѣзамъ невозбранной былъ входъ, получили помѣстья и вотчины на счетъ древняго Дворянства, ко истребленїю и уничтоженїю коего служили они орудїемъ, и проч. Съ того времени названїе Дворянина стало быть ничего незначущимъ, никакой важности и цѣны неимѣющимъ. Всякой помѣщикъ сталъ быть Дворянинъ, а Дворянинъ не иное что, какъ служивой или ратной человѣкъ помѣстный, сирѣчь изъ помѣстья служащїй; лишившїйся же помѣстья входилъ въ званїе простолюдина. „Когда уничто„жено будетъ благородство, говоритъ Ба„конъ, тогда не останется болѣе равновѣ„сїя между честїю и богатствомъ, пожира„ющими и истребляющими себя взаимно.„

Въ сїе время видимъ мы Дворянство наше раздѣляющимся на три главныя степени отличїя или предпочтенїя, но на степени различїя совсемъ другаго рода, нежель каковы были въ другихъ государствахъ и суть нынѣ въ Россїи. Сїижъ три главныя степени отличїя раздѣлялися еще на многїя другїя, о коихъ покажу я при объясне-

нїи трехъ главныхъ. Первую степень Шляхетства нашего составляли Дворяне Московскїе, вторую Дворяне Городовые, третью Дѣти Боярскїе.

Подъ именемъ Московскихъ Дворянъ, кои также и Большими Дворянами назывались, состояли всѣ древнїе Дворяне, яко Князья и отъ нихъ произшедшїе породы, выѣзжїе изъ другихъ государствъ знатныхъ породъ люди, и тѣ, кои издавна въ Московскомъ Великомъ Княженїи помѣстья и вотчины имѣли, и коихъ предки службою себя отличили. Сея первыя степени Дворяне занимали всѣ чины, мѣста и должности знатныя и почотныя, а изъ послѣднихъ двухъ степеней непосредственно ни въ какїе чины не производилися, какъ сказано будетъ ниже. Чины, по коимъ сїи первостепенные Дворяне одинъ передъ другимъ мѣстничалися и породу свою возвышали, также раздѣлялися на степени знатности и достоинствъ, снизходящихъ на ихъ дѣтей и потомковъ. Первыя степени Чиновники извѣстны были подъ названїемъ Думныхъ Людей, яко составляющихъ Верьховный Совѣтъ Царскїй; таковы были Бояре, Окольничїе и проч. Изъ нихъ

опредѣлялися Воеводами въ войски, въ Намѣстники и проч. Вторыя степени Чиновники разумѣлися подъ названіемъ Комнатныхъ Людей, сирѣчь при лицѣ Царскомъ служенїе отправляющихъ; таковы были Стольники, Степенные Ключники, Стряпчїе, Крайчїе, Постельничїе и проч. Изъ нихъ опредѣлялися въ Головы и въ Воеводы нижнихъ степеней, также и въ другїе знатные ратные и земскїе чины и должности. Сїи-то Чиновники означены въ прописанномъ указѣ Царя Ѳеодора Алексѣевича подъ именемъ служащихъ въ честныхъ и знатныхъ чинахъ. Въ сїи чины не производилися иные кромѣ какъ изъ знатныхъ породъ, означенныхъ въ числѣ Московскаго или Большаго Дворянства, а хотя могли происходить и изъ Городовыхъ Дворянъ, но прежде надлежало имъ написаннымъ быть по Дворовому списку или въ Выборныхъ Дворянѣхъ.

Городовые Дворяне, кои и Меньшими назывались, суть тѣ, кои были у Князей удѣльныхъ, и помѣстья имѣли въ уѣздахъ тѣхъ упраздненныхъ княжествъ. Изъ нихъ ни въ какїе чины непосредственно не опредѣлялися, но единственною обязанностїю

ихъ была ратная служба, а по тому и называлися они ратными или служилыми людьми помѣстными, въ отличїе отъ другихъ ратныхъ людей непомѣстныхъ или кормовыхъ, каковы были Иноземцы, Стрѣльцы, и другїе: подъ именемъ симъ въ Уложеньѣ они во многихъ мѣстахъ означаются, яко главы VII въ статьяхъ 8 и 9. Они имѣли также степени предпочтенїя между собою, раздѣляяся на три статьи, большую, среднюю и меньшую, и въ слѣдствїе сего старѣйшинства и помѣстные оклады имѣли разные, по статьямъ своимъ. Высылалися они на службу отъ городовыхъ Воеводъ и Приказныхъ Людей, по грамотамъ изъ Розрядного Приказа, и по тѣмъ нарядамъ являлися на предписанной срокъ и въ назначенное мѣсто къ Воеводамъ по полкамъ, гдѣ и служили въ десятнѣхъ рядовыми, равно какъ и кормовые, съ тѣмъ различїемъ, что сїи жалованье получали, а тѣ нѣтъ, и содержалися доходомъ съ помѣстей. Сихъ-то служащихъ въ десятнѣхъ имена вписывалися въ Десятинныя книги, а Дворовыхъ людей сыскать въ нихъ Сочинитель письма трудился понапрасну. Изъ большой статьи пи-

сали въ Дворовые, по дворовому списку, и въ Выборные Дворяне; а изъ сихъ уже опредѣлялися въ почотные должности и чины придворные и воинскïе, яко то: Стольники, Стряпчïе, Стрѣлецкïе Сотники и проч., по ихъ достоинству и заслугамъ; и таковые уже не только сами, но ниже дѣти ихъ не служили въ десятнѣхъ, сирѣчь рядовыми. Изъ средней статьи писали въ Жильцы, а изъ меньшой опредѣляли во всѣ должности нижнïя при Дворѣ, и всѣ сïи находящïеся въ нижнихъ должностяхъ при Дворѣ означалися подъ названïемъ Дворовыхъ Людей, въ числѣ коихъ и конюха состояли, какъ покажется ниже. Въ сïюжъ степень Дворянства должно помѣстить и Иноземцовъ помѣстныхъ, сирѣчь въ сословïе Дворянства включенныхъ, для коихъ особливые помѣстья и оклады были сдѣланы; также Дворянъ Патрïаршихъ, Митрополичьихъ и другихъ духовныхъ Властей, понеже и сïи наровнѣ съ Городовыми Дворянами числилися.

Дѣти Боярскïе, примѣшавшïеся въ сословïе Городовыхъ Дворянъ по помѣстьямъ, хотя касательно ратной службы и одинакое служенïе съ ними отправляли, но всегда

почитались ниже ихъ, и въ Выборные Дворяне изъ нихъ не писали, а употреблялися въ одинакїя должности съ Дворянами меньшїя статьи, и въ разные земскїе нижнїе служенїя, яко то: при Приказѣхъ въ Недѣльщики, въ Приставы и проч. Къ сей же статьѣ причислить слѣдуетъ и Патрїаршихъ Дѣтей Боярскихъ, кои по всѣмъ ихъ правамъ равнялися съ ними.

Судя о произхожденїи сего мѣлкаго Дворянства, о удобности, съ которою всякой человѣкъ могъ приобрѣтать сїе званїе, о служенїяхъ и должностяхъ низкихъ, и можно сказать, подлыхъ, въ которыя ихъ опредѣляли и сами они добровольно входили, и что кромѣ помѣстьевъ никакими правами и преимуществами отъ просполюдиновъ они не отличалися; не можно, безъ нѣкотораго насилїя себѣ, признать ихъ достойными названїя, которое они носили, принимая оное въ разумѣ нынѣшняго употребленїя. Но съ другой стороны уважая, первое, что и съ первоначалїя въ число Городовыхъ Дворянъ вошли многїе изъ породъ древнихъ Дворянъ, бывшихъ въ службѣ Князей Мѣстныхъ; второе, что и послѣ многїежъ изъ Московскаго

Дворянства, пришедши въ убожество и по другимъ разнымъ случаямъ низпадши изъ знатности своей, вошли въ Городовые Дворяне и Дѣти Боярскïе; и для того, по смѣшенïю однихъ съ другими, не льзя не признать обоихъ за равныхъ членовъ единаго сословïя. Время сïе разнствïе такъ заглодило, что ниже слѣдовъ къ распознанïю онаго не осталося. Сïе-то Дворянство подразумѣвалъ я, говоря: что „въ конюхахъ по большей части были Дворяне;„ а отнюдь не первостатейное, которое единственно достойно сего названïя въ полномъ его разумѣнïи, что ниже сего приводомъ свидѣтельствъ будетъ доказано. Первостатейное Дворянство великую разность имѣло отъ мѣлкаго, первое по чинамъ, кои были единственнымъ ихъ удѣломъ; второе, по многимъ правамъ преимущества и предпочтенïя, которое во всѣхъ случаяхъ имъ отдавалося; даже и въ наказанïяхъ за преступленïя отличаемы были они отъ мѣлкаго Дворянства, какъ явствуетъ въ Уложеньѣ; гл. X. ст. 5 и 20.

По семъ слѣдуютъ доказательства, что Дворовые Люди набиралися изъ мѣлкаго Дво-

рянства и имѣли у себя помѣстья и вотчины, и что ДворянинЪ не по иному чему разумѣлся, какЪ токмо по помѣстью; а во утвержденїе всего того ни на что другое ссылаться не буду кромѣ Уложенья, яко на такой документЪ, которой и болѣе прочихЪ вѣроятїя достоинЪ, и что всякому повѣритЬ предлагаемое мною будетЪ сподручнѣе.

О ДворовыхЪ ЛюдяхЪ упоминаетсЯ во многихЪ мѣстахЪ Уложенья, яко гл. Х. вЪ ст. 30, 91, 93, 124 и 125, а что рѣчь идетЪ не о помѣщичьихЪ ДворовыхЪ Людяхъ, а о ЦарскихЪ, то являетЪ тоя же главы статья 92. Писаны они вездѣ наряду сЪ ГородовымЪ ДворянствомЪ, ниже ЖильцовЪ, а выше СотниковЪ СтрѣлецкихЪ и ПодЪячихЪ. ВЪ какихЪ же должностяхЪ и служенїяхЪ они находилися, о томЪ именно означаетсЯ тояжЪ главы вЪ статьѣ 95, и главы XIX. вЪ статьѣ 1, говоря о ДворовыхЪ ЛюдяхЪ ПатрїаршихЪ, которые никакого различїя отЪ ГородовыхЪ ДворянЪ и ДворовыхЪ Людей ЦарскихЪ не имѣли, и всѣ тѣ должности назывались чинами, а что подЪ именемЪ ДворовыхЪ Людей ЦарскихЪ заключались всѣ Дворцовые нижнїе

чины, то значится главы X. въ статьяхъ 124 и 125.

Что Дворовые Люди имѣли за собою не только помѣстья, раздаваемые на службу вмѣсто жалованья, но и вотчины, кои могли они продавать и въ наслѣдїе дѣтямъ своимъ оставлять, то доказываетъ гл. IX. ст. 7, гдѣ точно сказано: и „Дворовыхъ Людей въ „вотчинахъ и помѣстьяхъ.„ .... Изъ чего явственно есть, что они тѣ вотчины или отъ родителей своихъ въ наслѣдїе получили, или сами ихъ купили, а то и другое свидѣтельствуетъ, что они были Дворяне; ибо помѣстей въ вотчину покупать ниже имѣющимъ помѣстья, не только безпомѣстнымъ, сирѣчь непомѣщеннымъ въ сословїе Дворянъ, безъ Имяннаго Царскаго указа не дозволялося. Гл. XVII. ст. 8 и 9.

При росписанїи помѣстьевъ въ Московскомъ уѣздѣ по чинамъ, положены въ первой статьѣ: одинакїе помѣстья всѣмъ Думнымъ Людямъ; по нихъ во второй статьѣ: Стольникамъ, Стряпчимъ, Дворянамъ Московскимъ, Дьякомъ, Московскихъ стрѣльцовъ Головамъ; Степеннымъ и Путнымъ Ключникамъ; по сихъ въ третьей статьѣ:

Городовымъ Дворянамъ, кои по выбору служили въ Москвѣ; за ними въ четвертой статьѣ: одинакïе же помѣстья положены, Стремяннымъ конюхамъ и Московскихъ стрѣльцовъ Сотникамъ; потомъ въ пятой статьѣ положены помѣстья Дворовымъ Людямъ, Спряпчимъ, Сытникамъ Царицына чина, Дѣтямъ Боярскимъ. Улож. гл. XVI. ст. 1. тѣмъ доказывается: 1) Что во всѣ нижнïя при Дворѣ должности и служенïя опредѣлялися изъ Городовыхъ Дворянъ, ибо по слѣдующимъ словамъ тоя же статьи видно, что они и въ другихъ уѣздахъ, кромѣ Московскаго, имѣли помѣстья, по чему и сказано, говоря о нихъ, чтобъ имъ помѣстья въ Москвѣ давать противъ ихъ окладовъ помѣстныхъ по другимъ городамъ. 2) Что въ правахъ на владѣнïе помѣстьями, Дворовые Люди отъ Городовыхъ Дворянъ, ни чемъ не униженны; слѣдственно, ежель позволяется сказать, что Дворовые Люди по помѣстьямъ не могли приобрѣтать достоинства Дворянскаго, то можно будетъ сказать, основываяся на тѣхъ же доводахъ, что и Городовые Дворяне не могутъ считаться въ Шляхетствѣ, понеже тѣхъ и другихъ

произхожденїе было одинаковое и права равные. Дѣти Боярскїе весьма меньше имѣли права войти въ сословїе Шляхетства, нежели Дворовые Люди, однакожъ вошли, и не по другому чему, какъ только по поместьямъ, сирѣчь по тому самому, чего Князь Щербатовъ не поставляетъ въ доводъ на притязанїе нижнимъ Дворцовымъ чинамъ Шляхетства.

Главы XVI. въ статьѣ 62 сказано: „А „за которыми Стольники и Стряпчими, за „Приказными и Дворовыми Людьми под-Мо„сковные помѣстья, и какъ тѣхъ помѣщи„ковъ не станетъ, а послѣ ихъ останутся „жены съ дѣтьми съ недорослми; а иные „ихъ дѣти въ тѣ поры будутъ у Государя „въ житьѣ; и такїе помѣстья тѣхъ умер„шихъ за дѣтьми справливати.„ Изъ того выводится: 1) Что въ опредѣленїи изъ имѣнїя ихъ женамъ ихъ на прожитокъ и дѣтямъ ихъ въ наслѣдїе, никакого различїя отъ Дворянъ Московскихъ и Городовыхъ не учинено. 2) Что дѣти ихъ вступали въ Жильцы, коихъ Дворянство Улож. гл. IX. ст. 1 свидѣтельствуетъ; и такъ ежели бы конюхи, по мнѣнїю Князя Щербатова, и

не были Дворяне по помѣстьямъ, то по крайней мѣрѣ дѣти ихъ, вступая къ Государю на житье, дѣлалися уже Дворянами, и не по чему иному, какъ единственно по помѣстьямъ, полученнымъ ими въ наслѣдїе отъ родителей ихъ Конюховъ, Сытниковъ и тому подобныхъ нижнихъ чиновниковъ.

Всѣ духовные Власти, яко то: Патрїархъ, Митрополиты, Архїепископы и Епископы, принимали къ себѣ во услуженїе не только Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, но и изъ простолюдиновъ, и опредѣляя ихъ въ число Дворовыхъ своихъ Людей, доставляли имъ тѣмъ право быть помѣщиками и вотчинниками наровнѣ съ Государевыми. Свидѣтельствуетъ сїе главы VIII. статья 36, гдѣ сказано, чтобъ изъ помѣстныхъ порожнихъ земель покупать себѣ въ вотчину тѣмъ только Дворовымъ Людямъ, которые „изстари природные Дѣти Боярскїе, а которые не служивыхъ отцовъ дѣти покупили „себѣ вотчины, и тѣхъ Дворовыхъ Людей „написати въ Государеву службу съ городы;„ а ежель кто изъ нихъ служить не хочетъ, у тѣхъ купленныя ими вотчины отписывать на Государя. Изъ того слѣдуетъ:

1) Когда въ Патрїаршихъ и Епископскихъ Дворовыхъ Людяхъ были изстари природные Дѣти Боярскїе, то съ вящшимъ вѣроятїемъ можно заключить, что въ числѣ Дворовыхъ Людей Царскихъ были таковые. 2) Касательно и вступающихъ изъ простолюдиновъ въ Дворовые Люди ко Властямъ духовнымъ, и тѣхъ Дворянство тѣми же словами свидѣтельствуется, ибо хотя, прекращая злоупотребленїе, и запрещено впредь таковымъ покупать себѣ помѣстья въ вотчины, однакожъ изъ Шляхетскаго достоинства они не изключены, и такъ естьли вступленїемъ въ Дворовые Люди Патрїарши или Митрополичьи приобрѣталося право на покупку деревень, то кольми паче вступленїемъ въ Дворовые Люди Царскїе. 3) И ежели бывшїе при духовныхъ Властяхъ Дворовые Люди входили въ сословїе Дворянъ единственно по помѣстьямъ и вотчинамъ, не имѣя никакого на то другаго права, яко и Дѣти Боярскїе, какое же сумнѣнїе остается о Дворовыхъ Людяхъ Царскихъ, чтобъ они по тому же самому праву не сдѣлались Дворянами, хотябъ нѣкоторые изъ нихъ и изъ простолюдиновъ были взяты.

Главы XVII. изъ статьи 41 и гл. XX. изъ статьи 105 видится, что и Боярскïе Дворовые Люди и монастырскïе Служки прежде Уложенья покупали себѣ вотчины и имѣли у себя кабальныхъ холопей, по злоупотребленïю вкрадшемуся въ царствованïе Царя Ивана Васильевича, унизившаго древнïя права Дворянства распространенïемъ онаго и на другïе чиносостоянïя; но въ 1636 году Указомъ то запрещено, что и Уложенья показанными статьями подтверждено. Изъ того явствуетъ: 1) Естьли бы Дворовые Люди Царскаго двора не считалися въ сословïи Дворянства, то бы и имъ также запретили покупать себѣ деревни, но таковаго запрещенïя не бывало. 2) Ежели бы Дворовыхъ Людей служенïе признавалося низкимъ и неприличнымъ для Дворянина, то бы Дворянъ въ Дворовые Люди и не записывали, а тѣхъ, кои вошли въ сïе служенïе изъ простолюдиновъ, не сталибъ верстать помѣстнымъ окладомъ, а опредѣлялибъ имъ одно денежное и хлѣбное жалованье, яко Стрѣльцамъ и Козакамъ; тѣхъ же изъ нихъ, кои покупили себѣ вотчины, безъ сумнѣнïя бы изъ Дворовыхъ Лю-

дей изключили, и велѣлибъ имъ служить по тѣмъ городамъ, гдѣ они вотчины себѣ купили, съ прочими того города Дворянами, яко о Дворовыхъ Людяхъ Патрїаршимъ, вошедшихъ изъ простолюдиновъ, главы XVII. въ статьѣ 36 сказано, и какъ тояжъ главы въ статьѣ 67 о Рѣшоточныхъ Прикащикахъ узаконено, чтобъ имъ помѣстьевъ не давать, а тѣхъ, кои помѣстья имѣютъ, отъ сея должности отставить и велѣть имъ служба служить съ городомъ: но отнято и у сихъ Дворянство, за то, что они вошли въ должность и служенїе неприличное Дворянину, но велѣно только отъ оныя отставить.

Слѣдуютъ еще доводы о помѣстьяхъ. Что помѣстье не значило землю порожнюю, какъ Князь Щербатовъ заключаетъ, (единственно по тому, что помѣстные оклады означалися числомъ четвертей земли, а не числомъ дворовъ или душъ крестьянъ,) но жилую, то есть съ крестьянами, сїе доказываю Уложенья главы XVI. статьями 37, 38, 45, 46, 47 и 61, и гл. XVII. ст. 47. Давалижъ въ помѣстья и порожнїя земли, но не иначе какъ въ прибавокъ

къ прежнимъ помѣстьямъ жилымъ, или за недостаткомъ таковыхъ, какъ ясно показываетъ гл. XVI. ст. 39 и 40, и послѣдующія симъ. Обычай сей, чтобъ означать помѣстья числомъ четвертей земли, не просто былъ заведенъ, но по тому, что въ старину крестьяне были вольные, и слѣдовательно отдавать ихъ въ рабство было не можно; да и тогда, какъ имъ свободной переходъ запрещенъ быть сталъ, холопями они не сдѣланы, а по тому и не можно было ихъ отдать въ помѣстье или продать иначе, какъ съ тою землею, на которой они живутъ. Отдавая въ помѣстье землю, отдавалися вкупѣ съ нею и написанные на той землѣ по Писцовымъ книгамъ поселяне; но отнюдь не лично одни крестьяне, что можно было дѣлать съ одними холопями, и то только съ родовыми, а не съ кабальными; и для того запрещено было помѣщикамъ крестьянъ своихъ кабалить. Улож. гл. XX. ст. 113. О семъ говорилъ я обстоятельнѣе въ Примѣчанїяхъ моихъ Т. II. § LXXXVI. Тѣ, коимъ жаловалися въ помѣстья порожнїя земли, заселять ихъ удобно могли, прежде пока воль-

ность крестьянъ не была ограничена, обѣщавъ чрезъ биричей, по находящимся по близости торжкамъ и ярмонкамъ, на нѣсколько лѣтъ для новопоселенныхъ льготы; коглажъ Указами, а наконецъ и Уложенья главы XI. статьею 3 привязаны стали быть крестьяня къ землѣ, тогда сія удобность въ заселенїи порожнихъ земель совсемъ пресѣклась, и тѣ Дворяне и Дѣти Боярскїе, которые не успѣли до того запрещенїя порожнихъ помѣстьевъ своихъ заселить, осталися при одной землѣ, и послѣ всѣ сїи помѣщики безъ крестьянъ вошли въ сословїе Однодворцовъ.

Что помѣстье было единственнымъ знакомъ Дворянскаго достоинства, слѣдуютъ доказательства въ прибавокъ къ сказаннымъ. Дворяне ведущїе родъ свой отъ Дѣтей Боярскихъ, и отъ тѣхъ, кои изъ низкихъ званїй разными случаями и способами вошли въ сословїе Дворянъ, начавъ отъ царствованїя Царя Ивана Васильевича, инаго доказательства, о Шляхетствѣ своихъ предковъ, представить не могутъ, кромѣ того, что имѣли они помѣстья, и что по тѣмъ помѣстьямъ написаны были въ Десятинной

книгѣ съ прочими того города Дворянами, въ коемъ тѣ помѣстья имъ были даны; а такихъ Дворянъ у насъ большая часть.

О пожалованїи въ Дѣти Боярскїе, которые по мнѣнїю Князя Щербатова тѣжъ благородные были, приведу я одинъ примѣръ изъ многихъ находящихся въ Розрядныхъ книгахъ: въ 1590 году Царь Ѳеодоръ Ивановичь пожаловалъ Елецкому казаку Софонькѣ Давыдову; за то что онъ скоро пріѣхалъ съ вѣстью о Крымскихъ Татарахъ, платье, деньгами пять рублей, да приказалъ ему быть на Ельцѣ въ Дѣтѣхъ Боярскихъ, сирѣчь повелѣлъ его поверстать помѣстнымъ окладомъ съ Дѣтьми Боярскими того города; изъ чего явственно, что пожалованїе въ Дѣти Боярскїе состояло единственно въ дачѣ помѣстья. Таковыхъ новопомѣстныхъ вносили въ Дворянской списокъ того города, гдѣ имъ пожалованы помѣстья, и возлагали на нихъ обязанность Дворянскую, то есть наряжали съ прочими того города Дворянами на службу.

Лишенные помѣстей за какое либо важное преступленїе, изключалися изъ Дворянскаго сословїя, какъ явствуетъ Уложенья

гл. VI. ст. 8; и сїи лишенные Дворянства чрезъ отнятїе помѣстья, такъ равнымъ образомъ и безпомѣстные сирѣчь Дворянскїе Дѣти окладомъ помѣстнымъ не верстанные, принуждены были входить въ другїе званїя и служенїя, дабы имѣть пропитанїе, яко то въ Стрѣльцы, Козаки и даже въ Холопи, какъ явствуетъ гл. XX. ст. 1, 2 и 3.

Дворянъ не имѣющихъ помѣстьевъ и слѣдственно не состоящихъ въ ратной службѣ, равно какъ простолюдиновъ, въ случаѣ несостоянїя платить долги, отдавали заимодавцамъ головою, гл. X. ст. 264; и могъ истецъ съ выданнымъ ему головою поступать какъ съ своимъ рабомъ, и только отвѣчалъ, ежели до смерти его убьетъ, гл. X. ст. 265, 266 и 268. Но тѣхъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, кои имѣли помѣстья, выдавать головою было запрещено, ст. 204. Также и за искупленїе съ правежа, кто дастъ на себя обязательство кому въ вѣчное холопство, не упомянуто, чтобъ Дворянъ изключать, гл. XX. ст. 40 и 46. Доказательство есть, что все достоинство Дворянина состояло единственно въ его помѣстьѣ, котораго лишась, лишался вкупѣ

съ нимъ и Дворянскаго достоинства, и всѣхъ правъ и преимуществъ, кои отличили его отъ простолюдина.

Князь Щербатовъ, желая лишить Дворянства Дворовыхъ людей, говоритъ, что помѣстные оклады не были знакомъ Дворянства, и давались вмѣсто жалованья, и приводитъ на то въ примѣръ Козаковъ, кои также землю и хутора имѣютъ, но Дворянами чрезъ то не становятся. Противное сему доказать, не читавъ Розрядныхъ и Десятинныхъ книгъ, однимъ только Уложеньемъ можно. Тамъ во многихъ мѣстахъ, говоря о ратныхъ людяхъ, ясно означается разность между ними во всемъ, 1) что Стрѣльцы и Козаки, въ отличїе отъ ратныхъ людей помѣстныхъ сирѣчь Дворянъ, назывались кормовыми и безпомѣстными; 2) что Дворяне жили въ своихъ помѣстьяхъ, а Стрѣльцы и Козаки по городамъ, и сверхъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, даваны были имъ Указы о торговлѣ въ своемъ городѣ безпошлинно на нѣкоторую опредѣленную сумму, также и право питья про себя варить; 3) и хотя нѣкоторымъ изъ нихъ и земли близь города отведены

были, но всѣмъ вообще, а не каждому особенно, и не на другомъ правѣ, на какомъ имѣютъ ихъ нынѣ всѣ государственные крестьяне, и земли тѣ числилися и называлися Государевыми, какъ точно въ Уложенїи гл. XVIII. въ статьѣ 51 сказано. И то также Князь Щербатовъ говоритъ несправедливо, яко бы жалованье производилося однимъ только безпомѣстнымъ, ибо являетъ противное тому Уложенья гл. X. ст. 83, 91 и 93, гдѣ говоря о взысканїи пени за безчестїе Боярамъ, Дворянамъ и Дѣтямъ Боярскимъ, велитъ взыскивать оную противъ ихъ денежнаго жалованья. Еще два доказательства на сїе слѣдуютъ изъ Розрядныхъ книгъ: 1) Въ лѣто 1581, билъ челомъ Государю Князь Дмитрїй Хворостинъ Окольничїй на Ѳому Бутурлина въ отечествѣ, что ему быть въ товарищахъ ему невмѣстно, и по суду первой обвиненъ и посаженъ на недѣлю въ тюрму, да съ негожъ велѣно взыскати безчестья Бутурлину, противъ его жалованья, 150 рублей. 2) Въ 1580 году посланъ былъ въ Новгородъ въ Вотскую Пятину нарочной отъ Государя, у котораго въ наказѣ написано:

„Память Михаилѣ Ивановичу Внукову, ве-
„лѣлъ ему Государь Царь и Великїй Князь
„ѣхать въ Вотскую Пятину, збирати на
„Государеву службу Дѣтей Боярскихъ во
„Псковъ..... А Дѣтямъ Боярскимъ гово-
„рить, чтобъ они однолично шли на слу-
„жбу во Псковъ безъ ослушанїя, а Государе-
„рево денежное жалованье будетъ имъ сполна
„во Псковѣ.....„ Могъ бы я показать какїе чины и въ какихъ случаяхъ жалованье получали, и какїе и когда не получали, но настоящая предлежность такой подробности отъ меня не требуетъ.

Изъ всего вышеписаннаго ясно: 1) Что нижнихъ степеней Дворяне единымъ только помѣстьемъ отличалися отъ Стрѣльцовъ и Козаковъ, и что лишась помѣстьевъ входили они въ званїе простолюдиновъ, не иначе какъ и Стрѣлецъ выключенный изъ службы. 2) Что и имѣющїе помѣстья никакихъ правъ и преимуществъ, коими нынѣ Шляхетство пользуется и отличается, не имѣли и не знали; опредѣляли ихъ въ должности самыя низкїя и подлыя; сѣкли батожьемъ и кнутомъ, за такїя вины, за какїя нынѣ и отданїе на нѣсколько дней подъ стражу на-

звали бы неумѣренною строгостїю. 3) Что простолюдины могли удобно приобрѣтать право дѣлаться Помѣщиками и Вотчинниками, и входить въ сословїе Дворянъ способами вышесказанными. 4) Что и первостатейное Дворянство, происходящее отъ Княжескихъ и Боярскихъ породъ, не степенїю родоваго достоинства отличалося отъ мѣлкаго Дворянства, но токмо чинами и богатствомъ; пришедшїежъ изъ нихъ въ убожество и не имѣвшїе чиновъ входили въ состоянїе нижнихъ степеней, и употреблялися въ должности и служенїя наровнѣ съ ними. Послѣ всего сказаннаго, можно-ль дивиться, что мѣлкое Дворянство были въ конюхахъ Царскихъ, когда они и въ холопи первостепеннаго Дворянства добровольно входили. Неизвѣстны были предкамъ нашимъ тѣ права и преимущества родовые, каковыми Дворянство во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ пользуется: одолжены мы тѣмъ настоящему царствованїю, что сдѣлалися прямыми Дворянами.

Ежели не довольно покажется Сочинителю письма всего сказаннаго, для увѣренїя себя, что въ конюхахъ были Дворяне,

но предлагаю при семъ доказательство другаго рода, не менѣе выше приведенныхъ удостовѣрительное, которое ясно ему покажетъ, что не только при Петрѣ Великомъ, но гораздо послѣ, и даже въ царствованїе тоя, по благости которыя узнали мы, что есть Дворянинъ, и что суть его права, были въ конюхахъ Дворяне и находятся еще по нынѣ. По справкѣ въ Придворной Конюшенной Конторѣ оказалось, что въ царствованїе блаженныя памяти Императрицы Елисаветы Петровны находилися въ Конюшенной службѣ изъ Дворянъ слѣдующїе: 1) Форрейторъ Михайло Юкечевъ, испомѣщенъ Выборгскаго уѣзда въ Растуновскомъ стану въ селѣ Даниловѣ. Стряпчїе конюха: 2) Иванъ Марковъ, испомѣщенъ Звенигородскаго уѣзда въ Угожевскомъ стану, въ сельцѣ Скугоровѣ; 3) Максимъ Грецовъ, Крапивинскаго уѣзда въ Кварницкомъ стану, въ деревнѣ Татаринковѣ; 4) Иванъ Проселковъ, тогожъ уѣзда въ Товскомъ стану, въ селѣ Костомаровѣ; 5) Борисъ Сабанчевъ, Боровскаго уѣзда въ Епрейскомъ стану, въ сельцѣ Карповскомъ; 6) Ермолай Гозинъ, Коломенскаго уѣзда въ Камаровскомъ стану, въ сельцѣ Бабуринѣ.

Нынѣ дѣйствительно находятся вѢ службѣ: Стремянные, 1) ИванЪ РудневЪ, и 2) ПетрЪ Зарембской; стряпчїе: 3) Андрей Зарембской, 4) ИванЪ ТрубинковЪ, и 5) ЕфимЪ ТаишевЪ..... Я никакЪ не чаю, чтобЪ Сочинитель письма восхотѣлЪ, естьли бы и могЪ, отнять Дворянство у сихЪ стремянныхЪ и стряпчихЪ конюховЪ, Конюшенною Канторою за дѣйствительныхЪ ДворянЪ признаваемыхЪ, единственно только для того, чтобЪ вЪ напрасномЪ меня охуленїи не быть принужденнымЪ признаться.

ПослѢ сихЪ ощутительныхЪ доказательствЪ, не будетЪ ли Сочинитель письма сожалѣть, что не употребя время и вниманїя на разсмотрѣнїе, сказалЪ толь утвердительно, яко бы Дворяне и Дѣти Боярскїе никогда вЪ конюхахЪ не бывали; не совѢстно ль будетЪ ему, что столь скоропостижно послѢдовалЪ внушенїю гнѣва, тѣмЪ паче напраснаго на меня, и такую насмѣхательную сдѣлалЪ мнѣ укоризну, будто бы я, браня Леклерка, пожаловалЪ ДворянЪ вЪ конюхи, а еще болѣе, думаю, будетЪ ему совѢстно, что я на сїю его укоризну не другимЪ чѣмЪ отвѣтствую, какЪ токмо дока-

зательствомъ, что мои слова суть истинны, и слѣдовательно укоризны таковыя я не заслуживалъ.

Чтожъ между прочїимъ пишетъ онъ къ своему Пріятелю: „много бы можно, государь мой, писать на все то, что о Дворянствѣ въ семъ трудѣ (сирѣчь въ Примѣчанїяхъ моихъ на Леклерка,) сказано, но я „сокращусь и проч.„ Давая чрезъ сїи слова подразумѣвать Читателю, что много онъ примѣтилъ ошибокъ моихъ, касательно сей предлежности, но, или снисходя невѣжеству моему или не хотя тратить время въ оговариванїи оныхъ, оставляетъ ихъ въ молчанїи. Однакожъ основательную причину я имѣю иначе о семъ думать, а именно, что не только многое, но и малое, естьлибъ можно было что ниесть сказать въ укоризну мнѣ, не былобъ оставлено въ молчанїи, когда вижу, что и чужїе слова мнѣ приписываются, мои толкуются въ превратномъ смыслѣ, и истинное за ложное, яко на позорище съ торжествомъ выводится. Едва ли бы не съ вящшимъ основанїемъ могъ я сказать: много бы можно было возразить на все то, что въ охуленїе мнѣ въ письмѣ

ономъ сказано, но я удовлетворюся написаннымъ, щадя время.

§ XX.

Приведенное мною бытïе изъ Татищевой Исторïи, въ которомъ между прочïимъ описуется о вечѣ бывшей въ Кïевѣ, Князь Щербатовъ находитъ страннымъ и смѣшнымъ; „вотъ, говоритъ, воистинну прекрасное опи„санïе, и толь обстоятельное, что естьли „бы сочинитель былъ очевидный свидѣтель „всего произхожденïя, или бы былъ цере„монïймейстеръ вечи, обстоятельнѣе бы она„го сдѣлать не могъ.„ стр. 134. Описанïе оныя вечи не я сдѣлалъ, а Татищевъ, и ежели кажется оно Князю Щербатову забавнымъ, то за сïи минуты увеселенïя не мнѣ онъ обязанъ, а ему; однакожъ не уповаю, чтобъ кто другой на счетъ сего почтеннаго мужа, читая сïе его описанïе, сталъ издѣваться, ибо ничего въ немъ нѣтъ ни смѣха, ни охуленïя заслуживающаго. Чтожъ подало причину признать Князю Щербатову описанïе сïе нестаточнымъ? Что въ имѣющихся у него лѣтописяхъ онаго нѣтъ; однакожъ, чтобъ не могло оно быть

въ другихъ, того не отрицаетъ: „я не со-
„мнѣваюсь, говоритъ, что бы Г. Татищевъ
„не имѣлъ древнїе Лѣтописцы, которые его
„въ семъ руководствовали.„ Когдажъ нѣтъ
сумнѣнїя о вѣроятности повѣствуемаго, то
нѣтъ причины и къ охуленїю онаго, тѣмъ
паче къ насмѣхательному восклицанїю.

Не съ тѣмъ я привелъ сїе мѣсто изъ Татищевой Исторїи, чтобъ хотѣлъ показать какїе обряды наблюдалися на общенародныхъ древнихъ вечахъ, а съ тѣмъ, чтобъ доказать тѣмъ бытїемъ о вольности Русскаго народа. Нѣтъ мнѣ нужды въ томъ, на конѣхъ или пѣшїе собирались на вечу, и такъ ли дѣло произходило въ самой вещи, какъ описалъ его Татищевъ, но въ томъ мнѣ была надобность, чтобъ Историческими бытїями уличить Леклерка, клевещущаго, яко бы народъ Руской издревле былъ въ невольничествѣ, и признавалъ всегда рабство за естественное свое состоянїе; и чтобъ напротивъ доказать, что „власть „Великихъ и Мѣстныхъ Князей была умѣ-„рена или сраствореня властїю Вельможъ „и Народа, то есть, что Великїе Князья „власть имѣли не Деспотическую; что На-

„родъ имѣлъ соучастїе съ Вельможами въ „правленїи, и могъ на сеймахъ своихъ опре- „дѣлять многое; что опредѣленїя Народа „были важны и сильны; и что въ обще- „народныхъ собранїяхъ всякой Гражданинъ „имѣлъ право подавать свой голосъ, и проч.„ Сїи суть самые тѣ мои слова, которые положилъ я въ предметъ приведенныхъ мною свидѣтельствъ. И ежели свидѣтельства оные покажутся кому слабы или недостаточны для доказательства на все сказанное мною, то я могу представить еще множество другихъ подобныхъ или еще и сильнѣйшихъ. На примѣръ: когда Владимирцы, видя худое управленїе и тяготу себѣ отъ Князей Ростиславичевъ, возроптали, говоря: „Мы есьмо „вольнїи, а Князей прїяли къ себѣ, и крестъ „цѣловали къ намъ во всемъ, а се аки не „свою волость творяще грабятъ; а! про- „мышляйте братья.„ Несторъ стран. 258. Вотъ наша древняя pacta conventa, которую Леклеркъ хотѣлъ уничтожить. Не ясно ли слова сїи являютъ, что Князья, вступая на престолъ, присягали Народу, чтобъ правъ и вольности его не нарушати, а Народъ присягалъ Князю, чтобъ служить ему вѣрно

и повиноваться во всѣхъ его законныхъ повелѣнїяхъ, и проч. Слѣдственно я не погрѣшилъ отнюдь, ни тогда, ни теперь, въ избранїи свидѣтельствъ на утверждаемую мною вольность Рускаго народа; и вся моя вина состоитъ въ томъ предъ Княземъ Щербатовымъ, что я свидѣтельства на то взялъ изъ Исторїи Татищевой, а не изъ его; но въ семъ ни онъ не имѣетъ права требовать отъ меня отчета, ни я обязанности извиняться предъ нимъ.

§ XXI.

Крайнее прискорбїе причинилъ я Князю Щербатову написавъ: „недостаетъ по нынѣ „у насъ полной хорошей Исторїи„ и проч.; которое скрывая въ нѣдрахъ сердца своего, говоритъ: „Безъ всякаго озлобленїя хулу сїю „на себя, раздѣляя ея вмѣстѣ съ Г. Ломоносо„вымъ и Татищевымъ, прїемлю„ и проч. Потомъ признаваясь, по смиреномудрїю, что и самъ онъ будучи своею Исторїею „во мно„гомъ весьма недоволенъ, пишетъ ея болѣе „„для собственнаго своего удовольствїя, дабы „чрезъ оную научиться познать состоянїе „Россїи..... Нѣсть въ ней, продолжаетъ

„говорить, краснорѣчїя, находится можетъ „статься во многомъ темнота, индѣ из- „лишняя долгота въ разсказанїи приключе- „нїй, индѣ и недостатокъ связи„ и проч.

Отвѣчаю: Не погрѣшилъ я противу справедливости, сказавъ, что нѣтъ у насъ по нынѣ полной хорошей Исторїи, и не оскорбилъ тѣмъ ни мало памяти достопочтенныхъ моихъ согражданъ Ломоносова и Татищева. Я увѣренъ, что и сами бы они тѣхъ словъ моихъ за оскорбленїе себѣ не приняли, ибо не сказалъ я, что нѣтъ у насъ никакой хорошей Исторїи, но нѣтъ полной, каковою ни Ломоносова, ни Татищева назваться не можетъ; тѣмъ менѣе послѣдняго, которая не иное что есть какъ Лѣтопись Несторова и продолжителей его, безъ всякой перемѣны, но токмо исправленная, пополненная изъ разныхъ списковъ, и примѣчанїями обогащенная. Онъ самъ не назвалъ ея Исторїею, но Лѣтописью Нестора черноризца, и слѣдуя во всемъ ему изъ слова въ слово, не изключилъ даже и тѣхъ мѣстъ, гдѣ Несторъ и Силвестръ о себѣ говорили, яко тома втораго на страницахъ 142, 214 и 218. Тожъ можно сказать

и о Исторіи Князя Щербатова, которая и по нынѣ еще имъ не окончана, слѣдовательно и полною назваться не можетъ: конецъ дѣло увѣнчаетъ. И такъ доказательна есть истинна словъ моихъ, что по нынѣ у насъ полной хорошей Исторіи недостаетъ. Касательножъ качествъ Исторіи его, онъ самъ оныя безпристрастною оживописалъ кистью, и мнѣ не остается ничего къ тому прибавить.

Не могу умолчать однако, чтобъ не отдать справедливости неутомимому нашему Историку, въ разсужденіи подъятыхъ имъ великихъ трудовъ, каковыхъ требовалося къ написанію столькихъ томовъ, составляющихъ по нынѣ поболѣе 4000 страницъ, чѣмъ по истиннѣ доказалъ онъ усердіе свое къ пользѣ отечества, „поелику „сила его достигать можетъ, какъ самъ „онъ изъясняется. Но не видно, чтобъ въ „намѣреніи своемъ, состоящемъ въ томъ „единственно, чтобъ писавъ Исторію научиться познать состояніе Россіи„ по нынѣ онъ стяжалъ желаемый успѣхъ; и сожалѣтельно, что такое намѣреніе не ранѣе онъ принялъ нежели началъ ея писать,

ибо, занятъ будучи толь многими трудами, едва ли достанетъ время на сїе нужное для пишущаго Исторїю, познанїе. Въ недостаткѣжъ онаго позволительно усумниться о исправности пишемаго имъ, ибо дѣянїя Историческїе весьма тѣсно сопряжены съ познанїемъ той страны, въ которой они произходили; равнымъ образомъ и то подвержено сумнѣнїю, чтобъ Исторїя такая, которыя Сочинитель не имѣлъ онаго познанїя, могла послужить помощїю для тѣхъ, кои впредь Исторїю нашего отечества писать предпрїимутъ.

§ XXII.

Окончивъ отвѣты мои на оправданїя, порицанїя и укоризны мнѣ отъ Князя Щербатова Свѣту изъявленныя, должностїю своею поставляю увѣрить его и Публику, наиубѣдительнѣйшими доказательствами, что я писавъ Примѣчанїя мои на Леклерка, отнюдь его не подразумѣвалъ, и ни малѣйшаго намѣренїя не имѣлъ обнаруживать погрѣшности и недостатки въ Исторїи его находящїеся. Доказываю сїе тѣмъ, что естьли бы я подлинно имѣлъ желанїе такое, то бы

не удовольствовался показанїемъ тѣхъ только погрѣшностей, которыя заставили заблуждать Левека, а по отраженїю и Леклерка, но выставилъ бы на показъ тьмы другихъ важнѣйшихъ оныхъ, и кои я давно, къ не малому удивленїю моему примѣтилъ; однакожъ по нынѣ ихъ не обнаруживалъ, единственно для того, чтобъ не оскорбить человѣка, котораго я въ лице не знаю, ибо по пословицѣ Ишпанской la verdal es verde, то есть, правда кисла. А дабы не сочтены были слова мои выговоренными единственно по тщеславїю, желая похвастаться тѣмъ, яко бы и я въ состоянїи былъ усматривать погрѣшности и устраненїя отъ истинны Князя Щербатова, яко человѣка превосходнѣйшаго въ семъ знанїи; то принужденнымъ теперь нахожуся, по истиннѣ не для охуленїя его, но токмо для оправданїя себя, показать изъ оныхъ малую часть.

1. Въ Предисловїи на страницѣ второй за достовѣрное нашъ Историкъ представляетъ, что Руссы прежде крещенїя были народъ кочевной, а хотя и имѣли города, но оные были „яко пристанищи, а въ про-„чемъ народъ, а особливо знатнѣйшїе люди,

„упражнялся въ войнѣ и набѣгахъ, по боль-
„шой части въ поляхъ, переходя съ мѣста
„на мѣсто, жилъ, яко сïе видно по описанïю
„обычая Святослава.„

Чтобъ Руссы были кочевнымъ народомъ, о томъ Исторïя памяти намъ не оставила; напротивъ всѣ Писатели вообще, какъ свои, такъ и чужестранные, представляютъ ихъ обитающихъ въ жилищахъ неподвижныхъ, имѣющихъ города, законы, торговлю, мореплаванïе, свойственные тогдашнему вѣку. Писалъ я о семъ въ Примѣчанïяхъ моихъ на Леклерка, томъ I. стр. 72, 76, 241; и томъ II. § XLVI, XLVIII и XLIX. Святославъ, приобучившïй собственнымъ примѣромъ войско свое къ пренесенïю военныхъ трудовъ; употребляя суровую пищу и сноса безпокойства погоды безъ покрова и постели, не служитъ доказательствомъ на образъ жизни домашнïя тогдашняго времени Руссовъ, яко и Карла XII. собственное поведенïе весьма подобное Святославлю, на жизнь и нравы Шведовъ.

2. Во введенïи на стр. 14, описывая о Скифахъ, говоритъ: „что касается до ихъ „Вѣры, то не токмо по Греческимъ Писа-

„телямъ, но и по нашимъ Лѣтописцамъ по-
„длинно извѣстно, что они до времени Влади-
„мирова были идолопоклонники. Кумиры
„ихъ были слѣдующіе: Юпитеръ, которому
„поклонялися они надъ Буричевымъ пото-
„комъ..... Но по многихъ вѣкахъ послѣ,
„то есть въ царствованіе Великаго Князя
„Владимира, является; что они число идо-
„ловъ своихъ приумножили, ибо окромѣ выше-
„помянутаго нами Юпитера или Перуна,
„мы обрѣтаемъ Волоса, Подвиза или Похви-
„ста, Ладо, Купала, Коляда и проч.„

Наши Лѣтописи отнюдь не пишутъ о богослуженіи Скифовъ, и не уповательно, чтобъ и въ Греческихъ Писателяхъ нашлося, что они въ сказанное время жили на брегахъ Днепра, гдѣ нынѣ Кіевъ, и чтобъ кумиръ ихъ Попеусъ поставленъ былъ когда либо надъ Буричевымъ потокомъ. Не сыщется также засвидѣтельствованія и на то, чтобъ у Скифовъ были боги Перунъ, Волосъ, Позвиздъ, Ладо, Купало, Колядо и проч. Скифъ живущихъ на брегахъ Днепра надобно искать за многіе столѣтія до Владимира и до существованія имени Буричева потока, котораго мѣстоположеніе не только

Греческимъ Писателямъ, но едва ли и Князю Щербатову извѣстно. Божковъ сказанныхъ надобно изъ разныхъ странъ и отъ различныхъ народовъ свозить, яко то отъ Римлянъ, отъ Славянъ, отъ Сармать, что кажется не нужно, понеже сего товара у всѣхъ было со избыткомъ.

3. На стр. 82 называетъ Азовское море болотомъ, что Гунны и Готфы живучи на супротивныхъ берегахъ его не имѣли никакого знанія одни о другихъ; „понеже сіе болото „весьма глубокимъ моремъ почитали.„

Ежели Гунны и Готфы думали, что Азовское море глубоко, въ томъ они подлинно ошибалися, а что они его моремъ признавали, въ томъ имѣли справедливость. Отъ Кронштата до Петербурга очень мѣлко, однакожъ ни кто сея части моря болотомъ не называетъ, а по Азовскому морю такой же величины суда и по нынѣ ходятъ, какіе и къ Петербургскому Порту.

4. „Угры пришедъ отъ страны Восточ„ной Кіева, мимо сего города проходя, шли „чрезъ горы, которыя по ихъ имени на„звалися Угорскія, и потомъ покорили Сла„вянъ, Волоховъ и Волынцовъ.„ стр. 200.

Въ сей рѣчи множество ошибокъ, превратившихъ и затмившихъ подлинной смыслъ нашихъ Лѣтописей. Въ нихъ написано, что Угры идучи мимо Кїева горою, которая послѣ называлася урочищемъ Угорскимъ, имѣли на ней свой станъ, и отъ Кїева пошли къ тѣмъ великимъ горамъ, которыя прозваны Угорскими, а перешедъ ихъ напали на живущихъ тамъ Римлянъ и Славянъ, изъ коихъ послѣднїе были въ подданствѣ у первыхъ; прогнавши же Римлянъ и покоривши Славянъ, тутъ оспалися. Князь Щербатовъ не вникнувъ въ смыслъ сихъ словъ, а паче обманувшись сходствомъ названїй, урочище Угорское пропустилъ, а горы Угорскїя перенесъ къ самому Кїеву. Надобно знать, что урочище Угорское, при которомъ и Олегъ приплывъ къ Кїеву, остановился, состоитъ повыше нѣсколько предмѣстїя Кїевскаго называемаго Подолъ, и не иное что есть какъ высокїй берегъ Днепра, равный и гладкїй, а къ рѣкѣ крутымъ утесомъ оканчевающїйся; горыжъ названныя здѣсь Угорскими, суть тѣ, кои нынѣ подъ названїемъ Карпатскихъ извѣстны. Касательно покоренїя Уграми Волынцовъ, о томъ ни по-

хожаго ни гдѣ не воспоминаѣтся, да и съ обстоятельствами Угровъ шествїя, завоеваній и поселенїя никакъ сїе не согласуетъ.

5. „Владимиръ отлучился въ Новгородъ „съ лучшими войсками, дабы оттуда внутрь „Печенѣжской земли позорище войны пере„нести; тогда Печенѣги узнавъ Владими„рово отсутствїе, съ другой стороны во„шедъ въ Россїю, осадили вновь построен„ный Бѣлгородъ.„ стр. 281.

Надобно прежде сказать, что Печенѣги жили сперва на Дону, а послѣ за Днепръ перешедъ, отъ устья его далеко въ верьхъ кочевья свои простирали; Бѣлгородъ же отстоитъ отъ Кїева, помнится мнѣ, не болѣе какъ верстъ пятнадцать или двадцать, и нынѣ составляя село, называется Бѣлгородка. Теперь обратимся къ словамъ Князя Щербатова: правда, что въ печатной Несторовой и нѣкоторыхъ рукописныхъ Лѣтописяхъ написано, что Владимиръ пошелъ въ Новгородъ на Печенѣгъ, но кто хотя слегка о географїи имѣетъ понятїе, тотъ тотчасъ увидитъ, что то описка, и что вмѣсто Печенѣгъ надобно поставить Чудь, что Татищевъ и учинилъ. Но Князь Щербатовъ

не представя въ умѣ своемъ мѣстоположе-
нїй Новагорода, Печенѣгъ и Бѣлагорода, а
желая краткїя слова Несторовы пораспро-
странить и поукрасить, въ вящшее заблу-
жденїе впалъ, сказавъ, что Владимиръ по-
шелъ въ Новгородъ съ тѣмъ, „чтобъ позо-
„рище войны внутрь Печенѣжскїя земли
„перенесть;„ и что въ самое то время, какъ
Владимиръ отъ стороны Новагорода на нихъ
напалъ, они „съ другой стороны вошедъ въ
„Россїю, осадили Бѣлгородъ„ состоящїй, какъ
выше сказано, подлѣ Кїева. Ежели угодно бу-
детъ Читателю взглянуть на карту, или
представя въ умѣ своемъ мѣстоположенїя
Новагорода, Кїева и Бѣлагорода, сообразить
оныя съ прописаннымъ нападеніемъ Печенѣгъ
на послѣдній городъ, въ самое то время, какъ
Владимиръ внутрь земли ихъ войска вселъ,
то совершенно удостовѣрится о маломъ вни-
манїи Князя Щербатова въ разборѣ и раз-
смотрѣнїи имъ писаннаго, даже и въ вещахъ
толико удобныхъ къ разсмотрѣнїю. Однако я
не употреблю при семъ случаѣ никакихъ на-
смѣхательныхъ восклицанїй, хотя бы они
теперь и къ стати пришлися.

6. Непосредственно послѣ оставленїя Печенѣгами Бѣлгородской осады, Князь Щербатовъ пишетъ: „Сїя миновавшая опасность „еще прежде возвращенїя Владимирова, ко„торой былъ тогда въ Переяславцѣ на Дунаѣ, „вскорѣ послѣдуема была другою, то есть, „что Володарь Князь Половецкїй пришелъ „на Россїю съ Половцами„ и проч. стр. 283.

Здѣсь еще болѣе погрѣшностей нежели въ прешедшей рѣчи. Походъ Владимировъ на Чудь былъ въ 995 по Нестору, въ 996 по Исторїи Князя Щербатова, а въ 997 году по Татищевой; чрезъ три или четыре года, по возвращенїи его оттуда, пошелъ онъ на БолгарЪ ДунайскихЪ, и взялъ Переяславецъ; во времяжъ его тамъ пребыванїя, нѣкто Володарь, котораго ни порода, ни состоянїе въ Лѣтописяхъ не означены, привелъ къ Кїеву Печенѣгъ и осадилъ Кїевъ, въ надѣянїи, въ отсутствїе Владимирово его взять: однакожъ Кїевляня, подъ предводительствомъ храбраго Александра Поповича, сдѣлавъ ночью сильную вылазку изъ града, и напавъ нечаянно на Печенѣгъ, многихъ изъ нихъ побили, въ томъ числѣ и Володаря съ братомъ, и принудили ихъ осаду оставить. Князь

Щербатовъ не сказавъ ни слова, когда Владимиръ изъ Новагорода возвратился, ниже о предпрїятой имъ войнѣ на Болгаръ, вдругъ и непосредственно переноситъ его изъ Новагорода въ Переяславецъ на Дунай. Мняжъ закрыть свою ошибку, чтобъ положивъ прежде Печенѣгъ подлѣ Новагорода, вскорѣ потомъ не показать ихъ облежащими Кїевъ, вмѣсто ихъ Половцовъ, которыхъ тогда и имя не было еще извѣстно, въ Россїю съ Володаремъ приводитъ, и самаго Володаря называетъ Княземъ Половецкимъ, чего въ Лѣтописяхъ нѣтъ. Объ осадѣ имъ Кїева молчитъ, а говоритъ только „пришелъ на Россїю „съ Половцами„ оставляя Читателю самому опредѣлить, съ которой стороны Половцы пришли, и на которую область напали. Однакожъ, говоритъ, „нѣкто храбрый мужъ, „именуемый Поповичь, вышедъ ночью про„тивъ ихъ съ малымъ числомъ людей, не „токмо самаго Володаря убилъ, но и воинство „ихъ разогналъ.„ Но откуда сей Поповичь съ войскомъ вышелъ, изъ города-ль какого, или изъ лѣсу, или изъ за горъ, того не сказываетъ, а хочетъ, чтобъ Читатель доволенъ былъ тѣмъ только, что Поповичь вышелъ

ночью. Разные бытïя, нѣсколькими годами раздѣленные, соединилъ подъ одно время, Владимира мгновенно перенесъ изъ Новагорода на Дунай, Печенѣгъ переименовалъ въ Половцы, Володаря учинилъ ихъ Княземъ, храбраго Поповича изъ Кïева завелъ въ неизвѣстное мѣсто, и проч.

7. Что Владимиръ предпрïявшïй войною идти противъ ослушнаго своего сына, не отправившися еще въ походъ, занемогъ и умеръ въ Кïевѣ, и что Князь Щербатовъ написалъ противное сему несогласно съ Лѣтописями, и тѣмъ ввелъ въ заблужденïе другихъ, кои ему повѣрили, писалъ я выше въ § VI. Здѣсь же замѣчу еще маленькую его погрѣшность: говоритъ онъ, что по отшествïи Владимировомъ съ сыномъ своимъ Борисомъ въ походъ; оставался „въ Кïевѣ „правителемъ Святополкъ„„ стр. 288, что противно есть всѣмъ обстоятельствамъ и собственнымъ его рѣчамъ. Нынѣ въ письмѣ своемъ стр. 47, позабывъ, что писалъ прежде въ своей Исторïи, обращается къ истиннѣ, и самъ себя въ неосновательности прежняго своего сказанïя изобличаетъ, говоря: „Владимиръ бывъ слабъ, не упова-

„„тельно, что бы призвалъ Святополка для „„управленїя Кїева въ отсутствїе свое, ко- „„торому никогда не хотѣлъ свой престолъ „„оставить.„„.... Кто пишетъ безъ пред- начертанїя, безъ правилъ, тотъ удобно впа- дать можетъ въ противорѣчїя самому себѣ.

8. Описуя карактиръ и образъ поведенїя Святославля, пишетъ, что онъ конину и „па- „„дальподжаривъ на угольяхъ„„ ѣдалъ. стр. 225.

Несторъ изображая его трудолюбїе, воз- держанїе, и къ пренесенїю военныхъ подвиговъ способность и привычку, пишетъ, что онъ, будучи въ походахъ, возовъ при себѣ не имѣлъ, ни мяса въ котлѣ не варилъ; но изрѣзавъ ло- мотками конину, звѣрину или говядину, и на угляхъ испекши, тѣмъ довольствовался; но подъ словомъ конина или звѣрина, сирѣчь дичина не разумѣется и падаль. Что конину Руссы Язычники ѣли, есть вѣроятно; многїе народы Магометане и Язычники поднесь ко- нину ѣдятъ, но не ѣдятъ падали. Не вѣдомо съ чего и для чего вздумалося нашему Исто- рику уподобить праотцовъ своихъ Калмыкамъ; я думаю, ежели спросить его о семъ, не дру- гое что въ отвѣтъ скажетъ: „„я не помню „„что я думалъ тогда, какъ сїе писалъ;„„

какъ показано выше на стран. 31. § VII.

9. Князь Щербатовъ не зналъ какой то былъ народъ Вятичи, и гдѣ онъ жилъ, а слыхалъ, что есть рѣка Вятка, разсудилъ, что необходимо надобно Вятичамъ жить на Вяткѣ, и для того означая предѣлы древнїя Россїи, говоритъ: „Власть Князя Кїя въ одну „сторону простиралася до Вятки. . . . и такъ „отъ устья Буга до Вятки пространства „Кїевской области было 14 градусовъ, что „дѣлаетъ 1456 верстъ.„ стр. 123. Переселяжъ Вятичей съ верховья Оки на Вятку, нужда заставила его перевести тудажъ и Козаровъ, живущихъ на Днепрѣ, дабы удобнѣе могли они сбирать дань съ Вятичей; и послѣ на стр. 103 въ недоумѣнїи говоритъ: „Ежели „Козары жили на Волгѣ и владѣли Вятичами, „то сумнительно по далекости мѣстоположе„нїя брать имъ дань съ Сѣверянъ и Полянъ.„ Потомъ забывъ самъ себя, на стр. 195 пишетъ: „Кїевляне отъ Козаръ великїя на„силїя терпѣли;„ слѣдственно, по словамъ симъ, Козары не въ дальномъ разстоянїи отъ Кїева жили.

По нѣкоторомъ времени дошла надобность сказать о походѣ Князя Георгїя изъ Ростов-

скихъ его областей въ Вятичи; какимъ же путемъ туда его Князь Щербатовъ повелъ? вмѣсто, чтобъ отправить его въ низъ по Волгѣ, обратилъ за Калугу къ Козельску. „Князь Георгїй пошелъ въ Вятичи, и не до„шедъ до Козельска, остановился„ стр. 224. Такой путь чтобъ ѣхать изъ Ростова на рѣку Вятку чрезъ Козельскъ, подобенъ тому, когдабъ кто изъ Петербурга поѣхалъ въ городъ Архангельской чрезъ Ригу. Ѣдучижъ изъ Ростова въ подлинное жилище Вятичей, Калуга и Козельскъ будутъ дѣйствительно по дорогѣ, ибо Вятичи жили въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ Орелъ, Кромы, Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ и проч.; а Вятка рѣка, на которой за благо разсудилъ Князь Щербатовъ Вятичей поселить, нѣсколько вѣковъ послѣ приобрѣтена Новгородцами, а совершенно присоединена въ предѣлы Россїи въ 1490 году.

10. „Олегъ бѣгущїй во градъ отъ толпы „народа, съ обрѣтающагося мосту у града „чрезъ рѣку Греблю столкнутъ.„ стр. 239.

Не одну рѣку Стыръ, текущую подъ городомъ Луцкомъ, назвалъ Греблею, но и другїя, на коихъ у Нестора показаны плотины. При первомъ случаѣ приносилъ онъ кое-какїе

извиненїя, но вторично впадши въ тужъ погрѣшность, надобно сыскать другїя, что чаятельно будетъ потрудньe.

11. „Владимиръ послалъ къ Рогвольду „Князю пришедшему изъ заморья и овладѣв„шему Полоцкомъ, отъ котораго Турове или „Туровцы также прозвалися„ стр. 241.

Левекъ послѣдуя Князю Щербатову, а Леклеркъ Левеку, тожъ написали, и послѣдній къ заблужденїю первыхъ прибавя свои догадки, бытїе сїе вовсе изъуродовалъ: въ Примѣчанїяхъ моихъ на него объяснилъ я словъ его нелѣпость, Т. I. §. XX. Чтобъ не повторять написаннаго мною тамъ, здѣсь въ кратцѣ объяснюся. Рогвольдъ былъ изъ числа Князей пришедшихъ съ Рурикомъ, и отъ него получилъ Полоцкъ во управленїе или въ удѣлъ себѣ; слѣдственно пришелъ онъ не изъ заморья, а изъ за Ладожскаго озера, которое Несторъ вездѣ моремъ называетъ, по причинѣ его величины. Туровцыжъ не отъ Рогвольда названїе себѣ получили, а отъ города Турова, въ коемъ они жили; городъ же сей названъ по имяни Князя Тура обладавшаго имъ, какъ точно Несторъ показываетъ: „бѣ бо Рогволдъ „пришелъ изъ Заморья, имѣяше власть свою

„Полтескъ, а Туръ въ Туровѣ, отъ негожъ и „Туровцы прозвашася „ Послѣ, сей самый городъ данъ былъ Владимиромъ въ удѣлъ сыну его Святополку.

12. „Обратя Владимиръ изъ Червенскихъ „Польскихъ мѣстъ путь свой на Полдень, „побѣдилъ Вятичей.„ стр 247.

Кто пожелаетъ сообразить Вятку и Вятичей съ Польшею, тотъ увидитъ, что путь Владимировъ былъ не на Полдень, а на Востокъ. Изъ Червенскихъ мѣстъ ѣдущій на Полдень приѣдетъ къ Черному морю, а не на Вятку и къ Вятичамъ.

13. „Предпрїявъ походъ на Ссолы.... На„родъ сей пошелъ Россїйскїе предѣлы опу„стошать; но какъ уже опустоша Юрьевъ, „Ссолы доходили до Пскова, тогда Псковича „въ конецъ ихъ разбили, и взяли съ нихъ „тысячу гривенъ и неисчетное множество „соли.„ Т. II. стр. 7.

Въ Лѣтописяхъ написано, что Ссолы весною около Юрьева дни, сирѣчь въ Апрѣлѣ, пришедъ повоевали Псковскїе предѣлы; что Псковичи и Новгородцы вышедъ противъ ихъ имѣли съ ними жестокой бой, на которомъ побито Рускихъ до тысячи человѣкъ; а Ссоловъ

безчисленное множество; но о Юрьевѣ городѣ или селѣ, также и о взятьѣ съ нихъ тысячи гривенъ и множества соли не упоминается. Чтожъ причиною толикаго разнорѣчія? Сходство названія Юрьева дня съ Юрьевымъ городомъ, и народа Ссолы съ словомъ соль, примѣшавшееся къ недостаточному разумѣнію стариннаго слога Лѣтописей; при маломъ вниманіи, причиною были порожденія сея небылицы.

14. Въ Несторѣ написано: „Въ се же лѣто „побѣдиша Зимегола Всеславичи всю братью, „и дружины убиша 9000;„ сирѣчь народъ Земиголы побѣдилъ всѣхъ братьевъ Всеславичевъ, и побили у нихъ войска 9000 человѣкъ. Князь Щербатовъ написалъ: „сыновья Всеслава Брячиславича побѣдили нѣкоего Зимегора, у котораго войска побили „9000, но кто былъ и какого народа сей „Зимегоръ Всеславичь, и гдѣ сія война производилася, неизвѣстно.„ стр. 80.

Весьма извѣстно для тѣхъ, кои читая Нестора разумѣютъ чтомое: Всеславичи были братья, сыновья Князя Всеслава Брячиславича, изъ коихъ двое Борисъ и Глѣбъ по Лѣтописямъ извѣстны; имѣли они удѣлы

въ Полоцкомъ княженїи; войну имѣли съ народомъ имъ сосѣднимъ, называемымъ тогда Зимеголы, а нынѣ Семигалы, и были отъ того народа побѣждены. Ежели бы и Князь Щербатовъ поболѣе вниманїя употреблялъ при чтенїи Лѣтописей, то бы не превратилъ цѣлой народъ въ одно лице, не назвалъ бы его Зимегоромъ Всеславичемъ, и не сдѣлалъ бы его изъ побѣдителя побѣжденнымъ. Осторожность и вниманїе и въ самой темнотѣ открываютъ нѣкоторой слабой блескъ, которой по меньшей мѣрѣ не допуститъ сбиться вовсе съ тропы и попасть по уши въ грязь.

15. „Мстиславъ послалъ къ нѣкоему „Турпѣю, котораго по именованїю почитаю „быть Княземъ Половецкимъ, дабы онъ при„шелъ къ нему на помощь.... Ростиславъ „не попустя Турпѣя перейти чрезъ Днепръ, „чтобъ соединиться со Мстиславомъ, раз„билъ бывшїе подъ предводительствомъ его „войски, самаго плѣнилъ и привелъ въ Пере„яславль.„ стр. 192.

Мстиславъ посылалъ не къ нѣкоему Турпѣю, но къ Торпѣямъ, то есть Торкамъ, кои во многихъ мѣстахъ Лѣтописей Торпѣями названы, живущимъ въ Переяславской области,

и къ войску Ростиславлю, вѣдая ихъ преклонность къ отцу своему Изяславу, чтобъ они передались къ нему за Днепръ, гдѣ онъ тогда въ Каневѣ пребыванїе имѣлъ. Мстиславъ и не обманулся въ своей надеждѣ, ибо многїе изъ нихъ совокупяся пошли было къ нему, но Ростиславъ провѣдавъ благовременно о ихъ заговорѣ, перенялъ ихъ на дорогѣ у самаго уже Днепра, и всѣхъ захватя привелъ въ Переяславль. Сїе самое и краткїе слова Нестора печатнаго свидѣтельствуютъ. „Мстиславъ же посла на ону страну ко Турпѣемъ „и ко дружинѣ, веля имъ ѣхати къ себѣ . . . и „изгони Турпѣй у Днепра и поима я, и приведе къ Переяславлю.„ Ясно, что не объ одномъ лицѣ говорится, а о многихъ; не сказано ко Турпѣю, но ко Турпѣемъ и ко дружинѣ; не велѣлъ ему, но веля имъ; не изгони Турпѣя, но Турпѣй. Съ чегожъ вошла въ голову такая мысль, что Турпѣй былъ Князь Половецкїй, что шелъ на помощь ко Мстиславу, и что войска его разбилъ Ростиславъ, и самаго Турпѣя въ полонъ взялъ? пусть Читатель самъ рѣшитъ.

16. „Половцы пришли на урочище имя„нуемое Быстрая Сосна.„ стр. 245.

Быстрая Сосна не урочище, но рѣка, рѣдкому невѣдомая. Двѣ Сосны рѣки въ Россіи, и обѣ по Исторіи знаменитыя: одна называется Быстрая Сосна, а другая Тихая Сосна; и обѣ впадаютъ въ Донъ. Первая, о которой настоитъ рѣчь, впадаетъ пониже Лебедяни около 40 верстъ, а вершина ея не въ дальномъ разстоянїи отъ верховья рѣки Оки; впадаютъ въ нея многїя рѣчки, изъ коихъ нѣкоторыя по Лѣтописямъ извѣстны, яко Хвошна, Тимъ, Труды, Любовша, Ливны, Кщенева, Олымъ, Чернава, Ворголъ и Елецъ.

17. „Кучка Ивановичь хотя подданной „Россїйской былъ, а паче Князю Георгїю, въ „областяхъ котораго онъ жилъ; но по приходѣ „Георгїевомъ въ то мѣсто, гдѣ нынѣ городъ „Москва; видя Кучка съ Княземъ не великое „число людей, не только не хотѣлъ никакого „почтенїя должнаго отъ подданнаго своему „Государю сдѣлать, но и поносительными „словами его ругалъ.„ стр. 249.

Надобно, чтобъ Кучка или сошелъ съ ума, или не зналъ въ лице своего Государя; но того и другаго невозможность доказывается тѣмъ, что Кучка тогдажъ былъ у Князя Георгїя Тысяцкимъ, сирѣчь въ числѣ знат-

ныхъ его людей. Правда, что Князь Георгїй убилъ Кучку за причиненное ему оскорбленїе; но за оскорбленїе совсемъ другаго рода, а именно: Кучка будучи совершенно свѣдомъ, что жена его питала въ сердцѣ своемъ къ Князю Георгїю недозволительную страсть, а можетъ быть и по пустому ее къ нему ревнуя, дождавшись какъ Князь выѣхалъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ Москва, и которые тогда во владѣнїи были у Кучки, жену свою посадилъ въ темницу; о чемъ Князь Георгїй бывъ увѣдомленъ, возвратился съ пути, убилъ Кучку, а жену его и дѣтей взялъ съ собою. Вотъ настоящая Исторїя, и вотъ оскорбительныя слова, коими ругалъ Кучка Князя. Не понимаю я, для чего Князю Щербатову вздумалось предпочесть небылицу истинному или по крайней мѣрѣ вѣроятному бытїю, тѣмъ паче, что оно и съ сказанїемъ Лѣтописи и съ обстоятельствами произшествїя согласуетъ.

18. „Краткое повѣствїе о посаженїи Ли-
„товцами Князя Изяслава Ярославича на
„Луки„ и проч. стр. 421....

„Сїежъ самое намъ показуетъ, какъ далеко,
„по крайней мѣрѣ въ сей части, границы Ли-

„товскїя простирались въ Россїи.„ стр. 422.

Въ мечтѣ токмо Князя Щербатова обносимое, а не въ самомъ дѣлѣ существовавшее бытїе заставило его распространить столь далеко Литовскїя границы. Недоразумѣнїе его тоя Лѣтописи, съ которыя онъ заимствовалъ пишучи сїе мѣсто въ Исторїи своей, породило въ головѣ его сїю небылицу. Въ Лѣтописи той пишетъ: Преставились два сына Ярослава Владимировича, Изяславъ, которой сидѣлъ „въ Великихъ Лукахъ отъ „Литвы„ и Ростиславъ при отцѣ въ Новѣгородѣ; и сего образа вѣщанїя, общаго всѣмъ Лѣтописямъ, Князь Щербатовъ не понявъ, тѣмъ удивительнѣе, что онъ весьма часто употребляется въ Розрядныхъ книгахъ, кои должны быть ему весьма извѣстны, вообразилъ, что Изяславъ въ Луки Литвою былъ опредѣленъ, а по тому и догадаться былъ долженъ, что сей городъ Литовцами былъ взятъ. Чудное мыслей сплетенїе родившихся изъ ничего. Наши Лѣтописцы, при всякомъ случаѣ, когда надлежало сказать, которой Князь или Бояринъ въ какомъ городѣ былъ Воеводою или Намѣстникомъ, не писали иначе какъ такимъ образомъ: на при-

мѣрѣ: такой-то Князь сидѣлъ въ такомъ-то городѣ отъ Лифляндскихъ Рыцарей; такой то Бояринъ посаженъ былъ въ такой-то городъ отъ Литвы, отъ Еми, отъ Крымцовъ и проч.; сирѣчь опредѣленъ былъ въ тотъ городъ отъ Великаго Князя для охраненія его отъ Лифляндскихъ Рыцарей, отъ Литвы, отъ Татаръ и проч.; а отнюдь не то, чтобъ тотъ Князь или Бояринъ Литвою или Татарами въ оный городъ былъ посаженъ. Естьли читая Розрядныя книги, такъ сіи слова разумѣть, то не останется ни одного пограничнаго города подъ державою Россійскою, а всѣ должно будетъ отдать Литвѣ, Татарамъ или другимъ народамъ. Оставляя недоразумѣніе смысла словъ сихъ, не меньше должно дивиться тому, какъ можно было представить въ умѣ своемъ такую нестаточность, здравому разсужденію противорѣчущую, за бытіе возможное или вѣроятное? Литва взяла городъ Луки, не сказавъ когда и какъ, и кто о томъ свидѣтельствуетъ; посадила въ немъ на княженіе сына Князя Новгородскаго, не предваривъ прежде Читателя, какъ онъ туда попался, въ плѣнъ ли взятъ, или отъ отца своего

бѣжалъ и предался, яко измѣнникъ къ непрїятелямъ своего Отечества. Положимъ то и другое быть возможнымъ, но какъ бы Литва столь была легковѣрна, чтобъ отдала въ удѣлъ или опредѣлила въ кормленїе сыну такой городъ, которой передъ тѣмъ лишь только отъ отца взятъ и граничитъ его владѣнїю, да еще и сыну такому, которой отцу своему, какъ Исторїя свидѣтельствуетъ, всегда былъ преданъ и покоренъ. Правда, однакожъ, что Великїе Луки были подъ Литвою, но когда? чрезъ триста лѣтъ спустя, а именно при Королѣ Стефанѣ Баторїи, которой взялъ сей городъ въ 1490 году, и послѣ вскорѣ, по учиненному мирному постановленїю, паки возвратилъ Россїи.

19. Продолженїе прежняго: „Ярославъ по „кончинѣ сына своего Изяслава не требовавъ „отъ Литовцевъ дозволенїя, градъ Великїе „Луки къ Новогородскимъ областямъ присо„единилъ.„ стр. 422. И еще: „Литовскїе на„роды не преставали имѣть неудовольствїе „на Новогородцевъ, чаятельно, за отнятїе у „нихъ Великихъ Лукъ.„ стр. 424. Сколько надѣлали Князю Щербатову труда сїи краткїе слова: „сидѣлъ отъ Литвы!„ Много по-

терялъ онъ времени въ тщетныхъ размышленїяхъ, розъисканїяхъ, вымыслахъ, какъ бы составить предложенную имъ небылицу лучше, пристойнѣе и вѣроятнѣе; но ни силъ, ни искуства его недостало.

Всѣ приведенные мною мѣста суть только цвѣточки, а ягоды оставилъ я для переду; однакожъ и тѣхъ кажется довольно для доказательства, что я зналъ чѣмъ бы могъ охулять его Исторїю; но какъ ни о сихъ, ни о другихъ многихъ, о коихъ теперь умолчеваю, погрѣшностяхъ его донынѣ свѣту не открывалъ, слѣдственно охуляя Леклерка его не подразумѣвалъ, и причинить ему тѣмъ досажденїе, отнюдь намѣренїя не имѣлъ.

§ XXIII.

Въ окончанїи письма своего Князь Щербатовъ пишетъ, что онъ долго колебался въ намѣренїи писать противъ меня, „страшася, „говоритъ, убавить силы и важности у такой „книги, которая противу охулителя отечества моего сдѣлана;„ то есть убавить силы и важности у Примѣчанїй сочиненныхъ мною противъ Леклерка. На что не за излишнее считаю сказать, что страхъ его былъ ка-

сательно сказаннаго напрасенъ; ибо я увѣренъ совершенно, что прописанные возраженія его на нѣкоторыя статьи изъ нихъ, силы и важности ихъ ни мало не убавятъ, а паче во мнѣніи тѣхъ, кои сіи мои объясненія прочтутъ. Никакія ухищренія разума, хитрости словоплетенія, козни въ доводахъ и умышленныя двоемыслія въ словахъ и въ предложеніяхъ истинны отъ проницательныхъ взоровъ Публики не укроютъ, и сужденіе ея пристрастнымъ не сдѣлаютъ. Есть можетъ быть въ сказанномъ сочиненіи моемъ нѣкоторые недостатки и погрѣшности, которыя легко я могъ учинить, или по скорости написанія моего онаго; или по моему недостаточеству въ знаніи и малой разборчивости въ вещахъ; но не тѣ, кои Князь Щербатовъ письмомъ своимъ думалъ открыть Свѣту, а другія, которыхъ онъ не видѣлъ и не примѣтилъ. Я оставляю Публикѣ судить, кто болѣе имѣлъ причины негодовать, Князь ли Щербатовъ на меня, что я иначе понималъ вещи нежель онъ, или я на него, за то, что онъ желалъ показать мои ошибки тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Также и то остается ей рѣшить, кто изъ насъ долженъ болѣе имѣть причинъ ко опасенію относительно сказаннаго.

§ XXIV.

Наконецъ увѣряетъ Сочинитель письма Пріятеля своего, что ежели я и захочу на письмо его возражать, то онъ отвѣтствовать на возраженіе мое не будетъ; стр. 144. . . . . Въ разсужденіи правости моей и въ слѣдствіе оной приведенныхъ мною ясныхъ и неопровергаемыхъ доводовъ на его на меня жалобы, поклепы и охуленія, увѣренъ я конечно и безъ предваритель наго его отзыва, что отвѣчать онъ на сіе возраженіе мое не будетъ; чѣмъ и я не меньше доволенъ останусь, что не принужденъ буду суесловіемъ заниматься. „Лучше, по истиннѣ, употребить время свое прощать разумъ свой,„ какъ говоритъ Князь Щербатовъ, нежель тратить его на возраженія и оправданія, противу своей склонности и желанія. „Досужность, по слову одного любомудрца, есть дражайшее благо въ жизни, не „по тому, что человѣкъ ничего не дѣлаетъ, „но по тому, что имѣетъ способъ дѣлать что „захочетъ.„ Сими словами Отвѣтъ мой заключивъ, употреблю мой досугъ на лучшее и полезнѣйшее.

КОНЕЦЪ.

Bayerische Staatsbibliothek München

195
250
150=
87-465
Л
53-3
125-
1126/38

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Boltin, Ivan N.

Otvět General-Maïora Boltina na pis'mo Knjazja Ščerbatova, sočinitelja Rossïjskoj Istorïi

Vo Gradě Sv. Petra 1793

Russ. 342 e
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10784389-2